

Белоусов Роман

ГрÖффIT!

Троицк,
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Б43

Белоусов Роман Дмитриевич
Б43 ГрОфИТ! : стихотворения [Текст] / Р.Д. Белоусов. - Троицк, 2015. - 78 с.

© Белоусов Р. Д., 2015

Перечень частей и деталей устройства:

Барролов и Цикачандра.....	8
Берега сокрытых зон.....	9
Вещеголовые и Вещие.....	10
Внеземные светлячки.....	11
Волны Вселенной!.....	12
Воркута как Ростов.....	13
Воспоминания Древности.....	14
Всё как бы Пингвин!.....	15
Гнусавый карлик и циклоп.....	16
Грань перехода.....	17
Гуси полетели.....	18
Дождь из кошек.....	19
Дорога в Самади.....	20
Знамений дух!.....	21
Знания фрактальных метаморфоз.....	22
Ионы Лакшми.....	23
ИСС.....	25
Истоки эволюции сознания.....	26
Канатоходец.....	27
Ключи к осени.....	28
Курит дед!.....	29
Курица - не сушка!.....	31
Мира мим.....	32
Мои карманы.....	33
Море позитива.....	34
Морыши!.....	36
Нагваль и сон.....	37
Насекомое моё!.....	38
Ода кванту.....	40
Паломник.....	42
Paprika and Apricot.....	43
Патриархальный наш портрет.....	44
Побывала Росомаха.....	45
По пути в Петроград.....	46
Посвящения жизни в переплетениях времён.....	47
Поют поэты.....	49
Пройдись по улице.....	50
Пупырочник.....	52
Реинкарнационная эволюция.....	53
Русский квас!!!.....	55
Самообман - петля народа!.....	55
Свет воскресения души!.....	57
Свет Луны.....	58
Свободный странник.....	59
Святые.....	60
Снеговик.....	61
Сны Чараластры.....	63

Сталкеры ночи.....	64
Тантра астрала и факир.....	66
Танцует Шива!.....	68
Татьян-Банан.....	69
The tentacles made from a tow.....	70
Трассы нитей. Ио. Пядь!.....	71
Фловинжель.....	72
Шагал.....	73
Шегориаде - Да!.....	74
Электролитка и яблочный сок.....	76
Ясность.....	77

Руководство по эксплуатации антисборника (вполне даже можно не читать, если не хочется)

Существо, держащее в руках этот маленький кирпичик мёртвой плоти химически переваренных растений, к тебе в который раз в жизни сейчас обращается безликое **То**. Если исключить, что оно говорит с тобой усилиями, растянутыми на несколько едва заметных мгновений эволюции Вселенной, какого-то автора, тоже безликого существа, остаётся лишь имеющееся в действительности - **не-сборник** в форме стихов, его антипод. Пусть он зовётся **антисборник**, если так удобнее для тебя, нечто. Просто ты его внутри себя сделай сам - в соответствии с глаголом его названия, ведь ты - соавтор, а намеченное **Тем** - не более, чем эскиз для подкоркового надевания при выходе - куда? Никуда. В никуда. Выход свободы на арену боевых действий твоей жизни!

Итак, к делу: для чего люди читают стихи, как правило? Во-первых, для того, чтобы в авторских строках найти отражение собственных чувств, близких и к автору, понять, что читатель не одинок в своих эмоциях. Во-вторых, для того, чтобы получить некое эстетическое удовольствие от красочных образов, приятных глазу и вниманию. В-третьих, для того, чтобы найти оправдание и объяснение собственным и чужим поступкам. В-четвёртых, чтобы проникнуться серьёзностью и целеустремлённостью авторского замысла. В-пятых, чтобы просто приятно провести время. В-шестых, чтобы понять, что, быть может, творится у автора в его собственных нейросетях, чем они похожи и чем отличаются от читательских. В-седьмых, чтобы узнать что-то новое об окружающем мире, как из газет. В-восьмых, чтобы наполнить новую, ранее скрытую или отсутствующую часть себя. В-девятых, для того, чтобы обрести, наконец, хотя бы намёк на смысл и цель существования, если таковой читателем еще не обретён.

А для чего пишутся стихи авторами и выпускаются сборники? Во-первых, чтобы донести до читателя/ других поэтов-конкурентов /поэтлитклубэлитхзбратии/ астральных сущностей/ ангелочков/ чёртиков/ АНБ/ ФБР /тайных масонских организаций и прочих хитровывертов мёбиусных сознаний разных созданий собственную какбэопупенность и мегавыёженность. Во-вторых, для того, чтобы эта самая ёженность превратилась в красный палас их поэтической карьеры. В-третьих, на отдалённый срок, открыть в себе возможность силой пера занять некий профит в заделом на будущее. В-четвертых, излить накопившийся эмоционально-интеллектуальный хлам в надежде, что его кто-то подберёт и использует. В-пятых, показать вышеуказанным категориям гавриков свою часто кажущуюся высокую духовность, эфемерность и мечтательность. В-шестых, показать всё тем же гаврикам свою еще более глубокую и высокую гражданскую ответственность, включённость в общественные проблемы и интересы, светлую грусть за судьбы человечества и отдельных личностей. В-седьмых, раскрыть собственную цель существования в служении музе, оставив ей след на мировой литературе, как виноградная улилка на камне. В-восьмых, показать свою культурность и образованность, связь с литературными стилями как современности, так и с идеями поэтов-классиков, выразив всем свою непрерывную принадлежность им. В-девятых, для того, чтобы зародить надежду на совершенствование мира, если он пойдёт по стезе светлых авторских поэтических идей.

Ничего из вышеперечисленного ты, существо, здесь не отыщешь. Ты можешь случайно обнаружить какие-то чувства или ощущения кажущимися близкими тебе, но кто подтвердит, что первоначально никемной никаковостью автора имелись в виду именно они? Эти чувства так и останутся твоими собственными набросками театра теней, спасающих от нестерпимого давления сияющего **Абстрактного Того**.

Так и существу, предавшему невыразимое и уничтожившему его приданием

собственной формы в символах на бумаге, незачем стараться где-то засветиться и до кого-то что-то донести. Оно просто есть, достаточно лишь и всего лишь **существования** Существования, чьей волей обрёл так-таки выражение **антисборник**.

По сути, его некому и не до кого доносить, а также - нечего и незачем. Какой-то особой эстетики и красоты ты здесь также не найдёшь, только правду, ставшую посредством слов ложью, да дурацкие шуточные стихи, которые ничем не лучше и не хуже в своей никакой нигдешности, чем всё прочее здесь описанное. По крайней мере, если ты заметишь здесь какую-то красоту, то знай - она вся - только внутри тебя самого. А листы молчат.

Также и нечто возмутительное, увиденное в этом сборнике, непонятное или порождающее излишние вопросы заключено только внутри тебя. Автор ничего не говорил и не хотел сказать - по сути, истинный автор этих стихов - вообще ничего из имеющего конкретную форму в мире повседневности, и, тем более, не человек. А человек здесь лишь скульптор слова, рисующий по Пустоте неизмеримого, чьё наполнение тем искажённое, чем более оформлено во что бы то ни было и как бы то ни было.

Здесь ты также не найдёшь ни объяснений, ни оправданий, эти стихи не научат тебя морали и не приструнят за поступки и проступки, они вообще ничего с тобой не делают кроме того, что ты сам с собой сделаешь ими.

Это даже не стихи. **То** в форме стихов - и **Оно** не о людях вовсе. И рассказчик несказуемого не имеет конечной цели в выгоде, как не просят выгоды горы, леса и кометы. За что? За то, чтобы быть, просто быть сознающим процесс под названием **Быть**? И уж тем более ты не увидишь здесь ни грамма серьёзности, ни целеустремлённости, сколь не может быть серьёзным ветер, вырабатывающий электричество или целеустремлённым пожар, пожирающий деревянные посёлки и сотни гектар леса. Не бывает серьёзной невесомости или целеустремлённого вакуума. Они лишь бывают, как и всё остальное.

Нет у этого сборника и никакой цели впихать в тебя что бы то ни было и зачем бы то ни было. Не впихивается - не пихай. Не подбирается - не бери. Не читается - не читай. Некому и незачем учить тебя жить, ты и так живёшь, раз читаешь эти строки. Существо, записавшее сборник, от тебя ничего не хочет - ни понимания, ни признания, ни критики, ни похвалы, ни унижения, ни памяти, ни славы, ни порицания, ни подтверждения, ни отрицания, ни веры, ни сомнения, ни мнения. Оставайся сам собой с самим собой. Это тебе нужнее, если ты сам решишь, что это тебе нужнее.

Приятно ли ты проведёшь время, решив провести его с этими строками? Кто знает? Никто не знает, кроме тебя самого. Всякое может быть. В любом случае - **То** не обещает тебе удовольствия или радости точно так же, как не обещает отторжения или кошмара, зависит только от тебя, как и что ты увидишь там, где ничто принимает форму какого-то нечто. Записавший же сборник вовсе не претендует на то, чтобы называться духовным или эфемерным или мечтательным. Ты, если возникнет желание, можешь таким называться. А с противоположной стороны моста быть таковым просто некому, Вселенная не терпит фантазий слов или категорий. Она сама - **фантазия**, но ей не может быть не всё равно, ей может быть только так, как происходит вообще. Поймешь ли ты, что творилось у существа, создавшего сборник, в голове? А ничего там не творилось, просто ловил волну. И ты лови.

Ты сам раскрашиваешь пляску пикселей на экране телевизора в фильмы, придавая словам и музыке эмоции, это ты облакаешь клубки энергий, вьющиеся и пульсирующие вокруг в образы, так облаки и **То** во что-то тебе знакомое. Или не облаки. Зачем? Зачем-то. У **Того** нет гражданской и социальной ответственности, **Оно** абсолютно асоциально и безответственно, хоть исчезни Земля, ему не будет жаль человечество. Вся эта **жаль**

живёт в человечестве. Это не плохо и не хорошо. Факт энергии.

Ничего нового из этого антисборника о мире ты не узнаешь - всё прямо и так лежит у тебя прямо перед глазами с самого рождения, и если ты раньше чего-либо не замечал, так это оттого лишь, что не позволял это замечать сам себе. Всё, описанное здесь, известно и доступно даже младенцу. А вырастая, младенец забывает, что знал это и, зачастую, перестаёт знать. Также некому и задумываться о целях, не может же цель думать сама о себе, должен быть кто-то, кто поверит в неё. Негде и не на чем, и незачем оставлять след.

Антисборник имеет отношение к литературе не более, чем игра на варгане - к музыке, а восприятие - к пониманию. Это даже не литература, а точнее, перед тобой **не-литература**. Откроешь ли ты новое в себе самом? Точно так же, как и в мире - в тебе ничего нет нового. В тебе есть только спрятанное тобой самим. Так что же новое может быть открыто, если его не существует? И авторское существо не стремится. К чему именно? Показывать культурность и образованность, наследственность поэзии - и так далее, а лучше, подставь сам, к чему именно. Будешь в равной степени прав и не прав одновременно.

Не-литература не имеет наследия в литературе, как шмель - не сын колибри, мармелад для людей вкуснее силикона, а дельфин не родственник акулам. Увидишь ли ты здесь цель существования? Нет. **То** говорит нет. Если ты её до сих пор ищешь, то здесь ты её, видимо, не найдёшь, а если ты её уже обрёл, то, возможно, увидишь ты её и в строках антисборника, но зачем тогда тебе её искать, если давно уже нашёл в себе изнутри? Или снаружи? Или в континууме снаружи-внутри? Вот видишь, сколько противоположных слов для описания одного и того же явления конструирует нам синтаксис языка, а точнее, конструируем мы сами посредством этого синтаксиса.

То не ищет и бессмысленных надежд на совершенствование мира, а сказанное им отнюдь не светло и не тёмно, не выстрадано и не вдохновлено. Сказанное только сказано и в этом смысл сказанного, как смысл имеет смысл в том, чтобы быть смыслом. Мир уже совершенен, но несовершенны люди, смотрящие на мир и практикующие его таким, каким они сами себе делают его своей же практикой.

Как видишь - ты сам, и только ты волен выбирать, что делать с этим **антисборником**. Существо, передавшему текст бумаге, нет дела до того, будешь ли ты обрадован этими текстами или оскорблён, поймёшь или заснёшь, прочтёшь или элементарно подотрёшься этим **антисборником** где-нибудь в сельском туалете, поставишь на полку илипустишь на растопку в русской печке, ему не интересно, что ты сделаешь с этим текстом, что предпримешь, подумаешь или скажешь. **То** лишь делало то, что **должно** было сделать, потрудившись в знак благодарности **абстрактному**. **То** лишь сделало.

А ты как хочешь. Не хочешь - не читай. Хочешь - читай. Но не говори затем, что тебя не предупреждали. Всё, что наполнит тебя или опустошит этими текстами, сделал лишь ты, держащий в руках зеркало для чтения себя.

Не пеняй на зеркало.

**Роман “Шочипилликоатль” Белоусов,
2015 год.**

Барролов и Цикачандра

Барролов гулял на воле,
 Резав гранью край носка.
 Цикачандра в чистом поле
 Пел в комочке из песка.
 Барролов – немой, когтистый,
 Он практически щенок,
 Но без блох и мускулистый,
 Хоть, порой, лишённый ног.
 Здорово под час рассветный
 Затолкать письмо в ответ,
 Чтоб услышать неприметный,
 Но всегда глухой «привет».
 Это Барролов рогатый
 Созывает огород,
 Садит мандрагор усатых
 Сочный и смолистый плод.
 Он, пожалуй, свежесожат,
 Точно цитрус иль кунжут,
 Но становится он ближе,
 Если залезает в пруд.
 Цикачандра гусли точит,
 Точки сеет, сливы жмёт,
 Жуть горит, гараж порочит,
 Залезая нагло в рот.
 Где же наша радость тока?
 Бьёт он молниями врозь,
 Попирая гавань сока
 Как рычаг – земную ось.
 Вот Москва. И волк тамбовский,
 Оружейный самовар
 Ловит Барролова хлётко,
 Источая перегар.
 Цикачандра смотрит смело –
 Нет покоя на планете,
 Апокалипсис умело
 Людям расставляет сети.
 В той борьбе они смешались,
 Драму согласует веско,
 По карманам метко шарясь,
 Проткнутая занавеска.
 Зной ушастый в той долине,
 Солнце иссушает глотку,
 Искушённый на перине,
 Я иду своей походкой.
 Мимолётны мыслемены,

Сёла – формы изъятий,
 Безответная дилемма
 Барроловых решений.
 Жди и тискай огнём,
 Жги – и власть твоею будет,
 Ведь виниловым компотом
 В нас судьба вину рассудит.
 Цикачандра – гуманоид.
 Только с ветками и торсом.
 Он цепляет астероид
 Крючковатых пяток ворсом.
 Он верхом к своей комете,
 Раскалившись, улетает,
 Подписавшись в партбилете
 Личным денщиком Мамаю.
 Все в лохмотьях самосолы,
 Как картошка по-шотландски,
 Цикачандра гонит смолы,
 Добавляя гриб шаманский.
 Групповые изваянья –
 Ломом противоположны,
 Облачаются в сиянье
 Радиоактивной кожи.
 Пусть сидят они, покамест
 Не растрескается вата
 Иль вперёд ногами сами
 Не догонят три халата.
 Хладнокровный гном жеманно
 Жмётся к воздуху над нами,
 Он подброшен был желанно,
 Словно бутерброд на камень.
 Когти точат паровозы,
 Газы топят великаны,
 В нас засыпаны занозы,
 Мы – разбитые стаканы.
 Зубы дуба кушать просят
 Пастилу и мох олений.
 Голову на юг уносит,
 Она падает в колени.
 Барролов Луну намазал
 Табаком и укоризной,
 Стал, словно печная ваза
 И играет ночью тризны.
 Ну а я, как Цикачандра,
 Волею небес потуги

Изливаю через мантры
На паучьи науки.
Долго ль им ещё трезвонить,

Место выбрав среди проталин?
Барролов на крыше стонет,
Чтоб с утра поехать в Таллин.

Берега сокрытых зон

Загустели краски, точки,
Ветры в рукава вобрав,
Только ищет оболочки
В шкурку втиснутый удав.
Отправляюсь я стрелою
Наперёд равнинных дел,
Величавою скалою
Чрез вершин водораздел.
Догорает блеск лучами,
Обветшал пустынь уют,
Блещет снова звон мечами —
Храбрецы друг друга бьют.
Они ласково не знают,
Где желать ещё успех,
Оттого штаны марают,
Вызывая общий смех...
В застывший миг я вышел вслед —
Невыразима даль.
За мной бежал старинный плед —
И чувствовал печаль.
Он мой спутник неспроста,
Расширил кругозор.
Представ пред нами, в три листа
Освободив зазор.
За стёкол битый перезвон
Закружатся огни,
Эзотерический пардон
Как встретишь — подмигни.
Чем радуется долина слов,
Оставшаяся врозь?
Не нахожу себе углов —
Улов прошедший сбрось.
Придут за нами города
Стеклом бетонных стен,
Отведено не навсегда
Нам облако систем.
Я был в ночи окутать дал
Тем мастерам, кто схрон,
Будто латунный феодал
Сокрыл от ясных зон.

Тропа присыпана слегка
Искреннем дальних звёзд.
Она издалека — мягка,
Вблизи же в полный рост!
На ней рубинов всех ценней
Булыжники лежат,
Свернув из люстр фонарей
Индустриальный ад.
Терзанья скрыли ото всех
Далёких стран мотив,
История полных вех —
Старинный лейтмотив.
Ловлю руками свет зари,
Прекрасный шанс ищу,
Природа, честно одари,
Как в душу взор пущу.
Обласканы стада корней,
А с ними наперёд,
Переворотами странней,
Считает время кот.
Я ворох искр разбудил,
Искал стальную гладь,
Нашёл её среди удил
И упорхал камлать,
Где зон сокрытых берега —
Граница трёх миров,
Ведь не ступала там нога,
Кроме копыт ковров.
Прелестны страсти! Наизусть
Их помнит свет мирской.
Здесь Груздь Родосский станет пусть
Нарочито морской.
Закрыты ставни, близок час,
Когда прибудем мы.
С собою тянем контрабас
И смелые умы.
Загадка снята будет вмиг
С тех сфер, куда летим.
Там миг прекрасен и велик,
Давайте ж миг взрастим!

Вещеголовые и Вещие

Вещеголовые и Вещие
 Закованы кл`ешнями.
 Растекаются трещины
 От их яростных слов.
 Они – сны понимания
 И цветы порицания,
 В них вошли отрицания
 От вины до даров.
 Вещеголовые идут опять,
 Снова не упокоены,
 Но их лица раздвоены
 Возвращаются вспять.
 Нам бы не уподобиться
 Их горбатым скелетам стрел
 В них веками огонь горел,
 Только ныне не ловится.
 Они счастье несли в устах,
 Их – немерено, видимо,
 Видно, волей раскиданы
 На чугунных мостах.
 Ну а Вещие – возбранны,
 Как из пепла воссозданы,
 Из ноздрей их занозами
 К звёздам души летят.
 Покорённы невежеством,
 Оглушённые скрежетом,
 На осколки отрежут нам
 Полусогнутый клад.
 Луны в чревах их варятся,
 Не найти б нам опять обман.
 Упырей черноглавый клан
 Силою заряжается.
 В Вещих свет не померк, небось,
 Смех небес снова душит грудь.
 Ищут Вещие только суть,
 Срезав ветхую трость.
 Но никак не найдут её,
 Она ролью сомкнула взор,
 Её тело завил узор,
 Стало быть, божество.
 А что сокрылось – откроется,
 А что не сбылось – то сбудется,
 Любое тайное – явится,
 Оно да не успокоится.
 А Вещим бы нести тот мир,

И миррой морги окуривать,
 Да непотребства не сокрывать,
 Срывать бездонный эфир.
 Вести людей бы на этот бал,
 У сил неведомых, вверенных
 Вершинам, сотканным перьями,
 Поверьем Анаэль стал.
 Там сталь стекает крапивою,
 Мерцает ртутными ядрами,
 Ярмо накинута ядами,
 Взвивает гриву ретивую.
 Вещеголовые утомлены,
 Их плен стенований и голосов
 Подобен клёкоту полночных сов,
 Которых приручили сны.
 Они слепы и промаслены,
 Но бьются острыми вазами,
 В тени мерцают алмазами,
 Врозь видим: не погасли мы.
 У Вещих труд – не кристальный пруд,
 И сплошь заклятьями увешаны,
 Путей им знанья завещаны,
 Вершится Соломонов суд.
 Ведь исполины, как карлики,
 И скачет новый, как арлекин,
 Ну принесите же нам карту вин
 Мумий, измотанных марлями.
 Любой подобен здесь худым иным.
 Великое в малом себя нашло,
 Через добро познаётся зло,
 Но вновь сияет свинцовый нимб.
 А Калевала всё ведаёт,
 Она же вечностью Вещая
 И проползает сквозь трещины,
 В мирах, прорубленных Ведами.
 Так ускользай, ускользай, тоска,
 Покамест жернова рычат,
 Отстукивая блеск в очах.
 Нам ныне вольность близка!
 Земля да полуразделится,
 Из очертаний разденется,
 Жрец в тоге новой изменится –
 Падёт Вещеголовых плен.
 В Надир иллюзии сойдут,
 Но где наш нечестивый плут?

Вельможа киркой бьёт средь руд,
Склонив мозоли колен.
Ведь только камень не сойдёт с тропы,
Вещеголовые – они рабы,
Их зубы щёлкают о лбы,
Их кости горестно звенят.
Оставит ветхий несразимый знак,
В горах увидит лишь его дурак,
От времени иссохнет враг,

Ничто не вечно – только Вещий маг.
Без мала нет и великого,
Краса осунулась ликами.
На струнах пальцами липкими
В кольцо сомкнут города.
Ушедшее – возвратится вновь,
А в жилах сизых застывает кровь,
Он ятаганом рассекает бровь,
Для Вещих жизнь навсегда!

Внеземные светлячки

Вечер светел. В искрах луны -
Внеземные светлячки,
Я сокрыл отныне руны
Под холщовые сачки.
На засвеченной дороге,
В бело - пыльной пустоте
Кочевали мои ноги,
Только ноги уж не те.
Мир в душе пылает жаром,
Кротко серебрится тень.
Я иду с воздушным шаром
Встретить за пригорком день.
Ночь сокрыла небосклоны,
Разделив на пять частей
Алхимическое лоно,
Элементы новостей.
Космос дышит, метеоры
И кометы к нам летят,
Что бездонные, как горы
В пухе солнечных котят.
Явь чудес открыла страны,
Тропы, тайные ходы,
Измеренья, океаны
Галактической воды.
Предо мной змеит просёлок,
Под пятой вздымая знак,
Он ведёт в седой посёлок,
Мудрый подавая знак.
Шевелятся ели в тучах,
Щекоча махоркой игл,
Словно бахромой колючей
Ступит на охоту тигр.
Созерцанье бесконечных

Искр Млечного пути,
Столь возвышенно - беспечных,
Сколь и вовсе не найти.
Пустота меня объяла,
Приласкала, по щеке
Дует, словно из бокала,
Невесомо, налегке.
Диво из чудес сомкнулось,
Серебрится лунный дождь,
Пусть тропинка затянулась -
Нас ведёт могучий вождь
В мириады изобилий,
В маринады из идей,
Дух ты мой, поэт Вергилий,
За бессмертие радей.
Чудесатее, безумней
Жить внутри чужих оков,
Не подписывать в них уний
И не гладить утюгов,
Только снов бояться странных,
Их предвидя наперёд,
Собирать с небесной маны
Лишь оброк на огород.
Мир пластмассовых спиралей
Разделён напололам,
В бесконечностях гадали,
Собирая кланы лам.
Я вошёл сюда незримо,
Словно тень в туннелях тел,
И сотряс неколебимый
Выдох ложных чуждых тел.
Он открыл иные грани,
Отворил страницы зон

И вобрал с рассветной рани
Гармоничный унисон.
Кто подскажет - где дорога?
Кто увидит - где же брод?
Тот - спаситель и подмога,
Знающий небес оплот.
Разум разложив на части,
Смотришь, словно в микроскоп.
Там взрастишь иллюзий страсти,
Вырыв разума окоп.
Так вперёд, на штурм созвездий!
Мы летим сквозь шторм глубин,
Поглотителям известий
Нипочём никчёмный гимн!
Славу трансу превозносим,

А безумных мыслей ход
Снова в черепном подносе
Совершает хоровод.
Щерится негуманоид,
Только щупы мельтешат,
Выстрелит гиперболоид
Луч сиреневых мышат.
Только искры оживают
Сквозь эфедру и очки -
То кувшинками кивают
Внеземные светлячки.
Непонятен, безутешен,
Время праздника вобрал.
В общем, этот мир безгрешен,
Как сакральный карнавал!

Волны Вселенной!

Волны Вселенной, биенья проекций,
Эзотерических форм череда,
Воля возвышенной пляски инспекций,
Что созидают седые града.
Шествуем плавно походкой героев,
Дробь отбивая от жалящих змей,
Серые маги, потомки изгоев,
Смывших в залив неприятые идеи.
Гимн наш породы пещерных камланий,
Хлеб наш зелёный растёт у дорог,
Все порожденья воспринятых знаний
Мы постигаем в прижизненный срок!
Что за находка? Алмазы - в корыто,
Звёзды - под ногти, а стяги - в стекло
Путь проложили, продев через сито,
Что чрез друидов умы протекло.
Волю галактик фасеточным мозгом
Рыли Карпаты лопатою струн,
Руны сокрыли безумия лоском
Сонмы в начальных иллюзий чугун.
Славьтесь народы, прорвавшие грани,
Знайте: мы с вами во все времена!
Так поглощайте в чреде осознаний
Мыслей бездонную чашу вина!
Прячутся спутники, небо оплыло,
Стар парафин, неотёсан гранит,
Нам подсказал незабвенный Ярило,

Как вынуть тайну и спрятать в зенит.
Может, и вы полетите за нами,
Если хотите скорее в леса.
Соединит в пламенеющий камень
Грохот болот созиданий краса.
Там мы возложим ключи от безумья,
Скважины мудрости ты отвори
И погрузись во фракталов раздумья,
Ярко излитых в прозренья двер`и.
Могут ли звери почуять пороги,
Где перепонкой сокрыт переход,
Перенастроив летучие ноги,
Дабы пройти через газы болот?
Зыбки обрывы, нечётки заставы,
И обрываются вниз берега,
Дыбки на плитке сварили составы,
Чтобы охотиться вновь на века.
Реки сокрой, путешествуй вдоль лиры
Трансовых радуг, лучистых огней,
Ползая в складках
Карманной квартиры
У изголовья летучих коней.
Истина только одна. Правда, смыслов
Всех нам не счесть,
Не достигнуть границ.
Ягода знанья под носом обвисла,
Словно зависев от избранных лиц.

Властвует зовом Великое море,
Свет разжигая пред совестью масс.

В танках окислятся Виги и Тори,
Вспышкой сгорев в отрезвляющий час.

Воркута как Ростов

Воркута как Ростов –
Краски сохнут в тени.
Всякий житель готов
Коротать трудодни.
Я злачёный асфальт
Покидаю навек,
Разбивая об алыт
Сто седьмой чебурек.
Скоро кончатся сны,
А за городом – град
В облаченье весны
Отправляет парад.
В серпантина мундир
Одевает столбы
Мишуры командир,
Направляющий лбы.
И опять дом за дом,
Дон за Дон, день за ночь,
Как делирия гон
Мысли вяжутся прочь!
За окном пролетают
Озёра и львы,
Дух чудной исторгают
Вагоны травы.
Город серый, но милый,
Город яркий, но злой,
Сёла черпают силу –
Печи сыпят золой.
Измененья ландшафтов
На изгибах стекла

Пред очей космонавтов
Свершает дела.
На просторах устоев
Поплывут пузыри,
Прогоняя изгоев
Латунной зари.
Нам повсюду не скрыться
От взоров людей,
В их овсянке вариться
Нам велел лицедей.
Всяк довольствия жаждет,
Даже коль от него
Будет мучиться каждый
На дорожке кривой.
В мелочах мы находим
Утешенье душе,
И в слепом хороводе
Скуку гоним взашей.
Мы не знаем путей,
Но живём на Земле.
В ворох дружных статей
Мысль вбираем извне.
Вечно где-то идём,
Сердце волей скрепя,
Вдохновения ждём
Или ищем себя.
Воркута как Ростов –
Россыпь звёзд не видна.
Мир не знает долгов.
Мир – Реальность без дна!

Воспоминания Древности

Прошли века без сожаленья.
И нету в том ничьей вины,

Что сладкозвучные мгновенья
Под пылью лет сохранены.

Лежат они, в углах темнея,
Беззвучно помня обо всём,
Во славе что народа тлеет,
В глуши души забывшись сном.
Лишь редкий ветренный потомок
Расшевелит быль древних дел.
Как розга, путь познанья тонок,
Где любопытства хворост тлел.
Но, как во сне, пред ним откроют
Те руны прошлого оплот.
Там царства рушат или строят
В потоках мыслей мудрых вод.
В пылу безжалостных баталий
Утонет ум тех бедолаг,
Что плод былого познавали
Средь политических клоак.
Бесчисленны картины мира
В порывах Млечного пути.
Куда прикажет музы лира,
Туда нам в будущем идти.
Страницы древних фолиантов
Летят под вечный небосвод.
В шаманском трансе некромантов
Плывёт Земля не первый год.
Из надписей старинной яви
Пчелиным роем пули войн
В стране свистят, где тяжко правит
Диктатора чугунный строй.
О копыа ломаются кареты,
И, совершая кувырок,
На цель направятся ракеты
В назначенный войною срок.
В дворцах, покрытых позолотой,
Свечей огнями льётся бал.
Там каждый предаёт кого-то,
Зайдя за ширмой в тронный зал.
В нём коронованные змеи,
Приверженцы масонских лож,
Страны богатства нагло делят,
Шепча на ушко мёда ложь.
В унынии гранитных келий
Живёт божественный аскет.
Средь мрака затхлых подземелий
Он свято держит свой обет.
Меж тем, в крестовые походы
Идут, поверив в чудеса,
Юродивые и уроды,
Чтоб воспарить на небеса,
Погибнув за идею света,
Творя бесчинства и разбой.

И, фанатизмом все пригреты,
Как зомби, лезут под огонь.
Костры пылают Торквемады,
Науки луч уходит в дым,
Которому в народе рады,
Чтоб неповадно было им
Творить деянья колдовские,
Построив домыслов оплот.
Не за грехи ли их людские
Великий Инквизитор жжёт?!!
Пускай народ живёт в сараях,
Завшивев с головы до пят.
Ведь впереди – ворота рая...
Архиепископы твердят!
И ране – в полисах античных,
По памяти прошедших вех,
В разврате дел предельно личных
Была свобода не для всех.
Владык неведомы истоки.
Задолго, может быть, до нас,
Прошли цивилизаций сроки,
Государей огонь угас.
Мы вновь собираем по крупичам
Могущество давнишних лет,
Желая в будущем развиться,
Чтоб в космосе оставить след.
От катастроф погибли страны.
Хранят загадки без ключей
Пустыни, горы, океаны...
Оракул их – пока ничей!
Но людям свойственно меняться,
Собою будучи, меж тем,
Расслабиться иль закаляться,
Привольно жить, разрушив плен.
Ведь чувства те же – век из века,
И мысли вечны у людей.
Растёт событий картотека
Истории Страны Идеи.
Но всё, что было и что будет –
Здесь вместе с нами и сейчас.
Владыка Кронос нас рассудит,
Его не стихнет гордый глас.
Не забывайте ни на долю
Секундной стрелки тонких игл,
Как вам досталась ваша воля
Под соусом прошедших игр.
Не повторяйте же ошибок,
Для вас оставленных в веках,
Не растеряйте дар улыбок,
Размазав их на кулаках.

Строй буржуазный не ломайте,
Отстроив мир из пустоты,
Среди окопов не хромайте,
Разрушив взрывами мосты...

Отколь над горизонта кромкой
Забрезжит новой жизни свет,
Пускай заплечною котомкой
Висит весь опыт прошлых лет!

Всё как бы Пингвин!

Пингвин – птица мира,
Свободнее странствий,
Её обезглавлен уютный полёт.
Она ток в квартиру
Своим иностранцам
Бескровным молчанием шатко несёт.
Мы – ветер Тибета
И восхлип природы,
Часы Атлантиды –
Скульптурный гранит.
Карета не спета,
Но чрез непогоду
Покажем вам виды, что время хранит.
Седых поколений,
Под дых – поколений
Лоснятся ланиты щетиною щеп,
Где в ясеня сень
Преклонили колени
Олени, завитые в образный хлеб.
Мы строимся маршем,
Нас все потеряли,
Разнузданы солнцем берёзовых парт.
И младшим, и старшим,
Доплывшим морями,
Напомним в оконце безудержный март.
Пингвин распушил
Цепких перьев плетенье,
Он крючьями дышит,
Он машет крылом.
Быть может, решит он,
Что мечутся тени
По стенам неслышно
Над звёздным селом.
Завил он в узор
Водородные бомбы,
Детсадовский бант из урановых руд.
Как мечет икру
В консерваторов ромбы –

А клумбы Лумумбы опять тут как тут.
Я Вас призываю,
Услышьте, Учитель,
Развешайте уши по горным хребтам.
Но что же, как Гуру,
Безумцы, молчите,
Исполнены гнева к глодающим ртам?
Нет! Мы – не забыты!
Мы – как бы пингвины,
Покрытые шерстью от лап до очков,
Где в кителе срыты
Рождённые вина
Зелёной махоркой укропных пучков.
Созвездий гвоздики
В цепях зодиака
Довёл до маразма глухой любисток,
Когда окропили
В кореньях барака
Амёб промокашку, спуская свисток.
Пингвины орешков
С колодками в лапах,
Недолог, трагичен
Стремительный взлёт.
Куда ляжет решка
От радуги расты?
Но мы – не сдаёмся, а время – пилот.
Возникли из пепла
В бездонной Арене,
Наш голем обуздан трухой чешуи,
Взрастали редисом
Редееющих прений,
Раздевших раденье
В сознаниях стру`и.
В тисках сумасшедших
Не ведать счастливым,
Когда от страны осыпается прах
Видений, сошедших
Пингином красивым,

Попрятавшим бремя
В заморских трусах.
Засунувшим клювы
Под перья Линкольнов,
Линкором проплывшим
В закатной стране,
За кадром ведущим
Свинцовые войны,
Пунцовые рты отрастив на войне.
Мы – словно пингвины...
Так флаг же вам в руки!
Все – как бы пингвины –
И нам не впервой!
Земель половины
Расставили луки,

Узреть бы сквозь руки,
Кто - свой, кто – чужой!
Пингвин – птица мира!
Разок врежет клювом –
И снова спокойна, как труп Ильича.
С утра восхищается,
Блещет, как Лувр,
Ведь дело достойно подмоги плеча.
Кто я? Майский жук,
Насадивший в суставы
Добычу сквозь карту непринятых вин?
Иль ласка, сварившая
В море составы?
Иль розовый кварц?
Видно, всё ж – не пингвин!

Гнусавый карлик и циклоп

Иду по льда смущённым жилам,
Оставив в прошлом тяжесть дел,
Взывая к обращённым силам,
Я сам почти обледенел.
Застыли, словно Вавилоны,
Растратившие слой веков,
Мыслительных врагов полоны,
Разбившие брега оков.
Вот лезвие – струна речная!
Свалился корабельный вал
В сиреневую амбру мая,
Как на свечных отелей бал.
Несётся вверх, забыв преграды
Столпов царей калейдоскоп –
Средь них живут, преданью рады,
Гнусавый карлик и циклоп.
Уродец первый перископом
Вслепую смотрит в небосвод,
Охотится он за циклопом
Далече уж не первый год...
Циклоп – колдун и голодранец,
Он носит фетра балахон,
Утрами исполняя танец,
Как в лавку заскочивший слон.
Они не ведают, кто создал
Оков глазастых барабан,
Не оттого ли вечно в Постал

Играет их безумный клан?
Зато свистит гнусавый карлик
И гнёт свой посох о леса,
Стирая временные марли,
Как престарелая оса!..
Их дни отнюдь не сочтены,
Но слушает сам Лорд Теней,
Как в небо улетают дни
Из преисполненных идей.
Кружится лоскутков астрал,
Почует длинный синий нос,
Сколь пьян его невинный бал,
Разбавленный озоном гроз.
Забыли тризны звёздам спеть,
И снова опадает гроб,
Свистит на теле лиха плеть –
Её опять родил циклоп.
Урана нимфам суждено
Не встретить карлика навек!
С тоской они глядят в окно –
В полночный мир седых калек.
Глухой циклоп забыл смотреть,
Колоссом в Р`одосе он стал.
Гнусавый карлик видит треть
Рубинов сонных и опал.
Мороки больше – это факт!
Хоть расшиби о стену лоб!

Скрипят, не попадая в такт,
Гнусавый карлик и циклоп.
Эпохой лики сожжены,
Возница пьёт скрипичный ключ
Жидкой октавою вины,
Сползающей с узорных круч.
Вивальди тоже был герой,
Но смысл его с небес потоп!
Не бесподобные порой
Гнусавый карлик и циклоп!
А мы? А мы всегда – пимы
Лишь для начальственных особ.
И даже лучшие умы
Засасывает внутрь циклоп.
Оставьте! Где набрались вы

Такой охоты быть собой,
Что не сносить лишь головы?
Гни ором горы, Громобой!
Толтеки снова ждут меня,
Скорей же напои, холоп,
Из клюквы морсом журавля.
Морским ли ворсом чёрных роб
Укутал император сон?
Кошмар орг`ана - зычный глас!
Ведь в пении каретных сонм
Кряхтит ступенчатый палас!
Да кто ж такие, чёрт возьми?
Вопрос мой разрешили! Хлоп! –
И лопнули часам к семи
Гнусавый карлик и циклоп!

Грань перехода

Его как будто воскресила,
Лишь действуя наоборот,
Чужих миров хмельная сила,
Которую не вспомнишь вброд.
Корнями влезли в казематы,
Напыжились - и понеслось:
Растут кудрявые салаты,
Иггдрассиля - и гром и грозды!
Всех выдумок на клоч смелее
Разверзлась свалка рецептур.
Кто любит ублажать елеем
Не мехобваленных не кур?
Вот вам всё лишь бы заземлиться,
Надев очки поверх очков!
И смотрят коренные лица
Сквозь междометья дурачков.
Чем громче крик, тем незаметней,
Его чрез узелки развив
У статуи извечно летней,
Похожей на народный миф.
А жизни миф не удостоен,
Прощастанный без задних пят.
Откажет мифу только воин,
И то - с эффектом от опят.
Поднялся дуб под клёкот корки.
Планета жаждет, а не ждёт!
Планету заселили орки

И вторит им Межведкокот!
Бежать из леса томных спален,
Не проиграв себя в престиж...
Вставайте ж! Выступает Сталин
Размером с полевую мышь.
Снаружи тоже интересно,
Внутри отколь трясина шор,
Воркующих лесами лестно,
Спустившись с оголтелых гор.
Шумит за колокол канатов
Распорядитель-иудей,
Закинув два мешка виватов
Чудн`ой безбрежностью идей.
Трепещет лето под кручиной,
А я на солнце - мухомор,
Чуть опалившийся Причиной,
Отосланной наперекор.
Спектакль весь - потехам время!
Как будто взяли за пример
Сознаний расщеплённых бремя,
Чтоб выглядеть не под размер.
И вот, в цветочности созвездий,
На битых пикселах небес
Воспряли мириады бестий,
Степенно набирая вес.
Сухарь взорвался в каждом доме,
С тех пор никто и никогда

Нам времени не экономит,
Как будто время - не беда.
Случалось тратить Орбиталий,
Седых комет руднистый клад,
Он яро в зоне аномалий
Сжигает догола наряд?
Не каждому на пользу чудо!
Поставил миску и побрёл,
Манул - аналог Робин Гуда,
Как оцифрованный Орёл!
Мечтают те, кто на ботинки
Удостоверил, как каркас,
Свои весёлые картинки,

С чужими сверившись как раз.
Под мхами - тёплые отвары,
На пнях - гнездовые кабанов,
Забросивших свои товары
На перепутье основ.
Подкрались в полночь бедуины,
Песчаный вызов их умолк,
Оставив свежие руины,
Не возмнивши даже толк.
И как вам здесь не оставаться,
Если вокруг зеркал оплот?
А ну-ка, поднатужим, братцы -
И выползем из наших Сот!

Гуси полетели

Мы в пороках суеты и канители
Часто осознать не можем клад.
Говорят все: «Гуси полетели».
Но куда-то ж эти гуси прилетят?!
В каждой голове засела птица.
Не сломить бы нам её насест!
Унесётся в небеса резвиться
В поиске иных границ и мест.
Гуси наши образуют стаю,
Мир оставив, словно бы во сне.
У кого-то крыша осенью слетает,
У других же – чаще по весне.
Не дадут ни знаний, ни ответа
Тысячи исследований нам.
Где живут блаженные «с приветом»?
Спрятана ль чудесная страна?
Может, там искрятся звездопады
Средь хрустальных туфель

Светлых нимф?
И отстроены меж сфер небесных
грады?
А над главами лучится солнцем нимб?
Иль, напротив, скованный морозом,
В темноте синее хмурый лес,
Где в цепях за мертвенным обозом
Покосился на могиле сгнивший крест?
Счастливы, кто вешнюю порою
Те места узрит на краткий миг.
Мир тому миллионы тайн откроет,
Блеска радости являя ясный лик.
Прокляты, кто в эти подпространствах,
Отыскать не смог тропы исток.
Зреет в церемониальных танцах
Кроткой мудростью
Окутанный Восток...

Дождь из кошек

Дождь из кошек... За окошком
Пролетает бегемот.
Из картонного лукошка

Пьёт от манговый компот.
Кошек цепко держат лапки
За святой пушистый хвост,

Мы надели на них тапки
И провозгласили тост.
Я свисаю под карнизом –
Как же весело свисать!
Может, это просто шиза?
Может, веник мне связать?
Дождь из кошек и лягушек,
Как сиреневые сны.
Громко бьёт лентяй баклуши
Средь безоблачной весны.
Сядем мы в дубовый ковшик
И поедем на концерт,
Там мы платице в горошек
Запечатает в конверт.
И отправим прям в Киото,
Может, даже в Пентагон!
Оно сделает работу –
Сварит ночью самогон.
После мы, засунув в уши
Два сливовые куста,
Будем собирать с них груши
Очень даже неспроста.
А когда мы Горбачёва
Встретим в речке на коне,
Сядем смело на корову
И помчимся по Луне.
В ней прорыли селениты
Сверхсекретное метро,
Где сидит совсем небритый,
Но намыленный Пьеро.
Я гусиное перо
Запущу на южный крест,
За пером летит ядро,
Выражая интерес.
Этот прогрессивный бунт –
Хачапури из носков.
Производство летних унт –
Стратегический улов.
Закрывает треть небес
Пчёл и звёзд антишмелин,
Мы летим на Эверест,
Обезвредив тонну мин.
Синус гнёт парабол кнут –
График вертится, как змей,
Сам Декарт с Виетом тут
Нюхают столярный клей.
Этим способом они
Сочинят сто теорем,
В будни распирают дни,
Разрезая ключья вен.

Интегралы – это крот!
Логарифмы – это слон!
От корней квадратных прёт
Ординат абсциссный гон.
Тангенс модуля горит,
Шапку тырит градиан,
Королей паучий вид
Комплексно мозги карал.
Смотрит тушка за окном
На огромные глаза,
В баскетбол играет днём
Позитивная гроза.
Прорастает шампиньон
У француза на носу,
Ведь любил покушать он
Из России колбасу.
Я лису несусь в лесу,
Чтоб сварить горячий суп,
Намотав на хвост косу,
Щекотать лисячий пуп.
Наш квадратный поролон
На чердак полез плясать.
Весит он десятки тонн,
Всем мешает ночью спать.
Вместе ждут на чердаке
Голубые голубей,
Пропечатав на носке
Лозунг партии идей.
Мир ругает муравьед
В ясеня седых корнях,
И уходит на обед
Космонавт – японский граф!
В речке Дракула сидит
И ворует валидол.
Он – эпохи троглодит,
Втихаря меняет пол.
А над ним летит Луна
В шубе пьяного ежа
И не видит ни хрена
Три подводных гаража.
Это мафия грибов –
Они строят коммунизм.
Дарит мухомор быков,
Им поставив тридцать клизм.
Ну а я гляжу в окно –
Едут танки на конях.
Это целое кино!
Про эпический бааааа-бах!

Дорога в Самади

Я шёл, туманами смятённый,
 В безумье брошенных пустынь.
 Мой взор, тоскою озарённый,
 Во снах не ведал неба синь.
 Был в жалком этом облаченье
 Подобен всякому из нас:
 Купаясь в грозных восхваленьях,
 Мы Космоса не чуем глас!
 Трубит он гулким звёздным эхом,
 Вибрирует, как адский змей,
 Где вехи времени из в`ека
 В век`а несут поток идей.
 Но глухи мы к стенаньям света,
 Не внемлем истине в тиши,
 Куда нам не дадут билета,
 Ведь там резвятся малыши.
 Смятеньем взгляд наш околдован,
 Сокрыт под пошлою фатой,
 Сужденьями рассудок скован,
 Хоть мог быть скован красотой!
 Ни хлад, ни жар не чувствует сердце,
 Мы - коматозники среды,
 Растратившие гигагерцы
 На пустоту седой воды.
 И алгоритмы зря в нейронах
 Кора гоняет по кольцу...
 В бездушных царственных коронах
 Ум как-то даже не к лицу!
 Слепцы не слышат и не знают
 В шизофрении торжества -
 Не чувствуют, не осязают,
 Гниёт в них осени листва.
 Я плёлся, словно бы гонимый
 Плетьюми в бездонной пустоте,
 Израненный, но не ранимый
 В горах изъеденных костей.
 Главу склонив к земным утехам,
 Скрывая хмуρο лик реальный,
 К грехам или души огрехам
 Не склонен, впрочем, радикальным...
 Вдруг снизошёл во мраке ночи
 Дух осознаний Мескалито,
 Явив зеркало мне пред очи,
 Из переливов что отлито!
 В тех лучезарных ураганах

Я плыл столетья за секунды,
 Среди бубнов гулких и варганов
 Уже не мнился мир мне скудным.
 Прополз по радуге, кроваво
 О Млечный Путь размазав душу,
 Сей звон Вселенского Устава,
 Как бас химеры чутко слушал.
 В том зеркале предстало рьяно
 Познание огненных созвездий,
 Дымок восточного кальяна
 И колдовство подземных бестий,
 Блеск галактических сознаний,
 Полёт непознанных объектов,
 А в многомерности мерцаний
 Довлел над сим бездонный Некто.
 Хляби разверзлись Провиденья,
 Жгли кожу каменные руны,
 Луч озарял душевной сенью,
 Как куклу дёргая за струны...
 Я в сердце пламенном торнадо
 Играл с младенцем иль владыкой,
 И тушь играли канонады,
 Заветны миссии великой.
 Быстрее мысли меж проекций
 Я оставлял тлен суеверий,
 К коррекции рассудка секций
 Причастен в сказочной был мере.
 Всё подсознание фонтаном
 Плело трансцендентально схемы,
 Я грохотал по барабанам
 Миров Верховного Эдема.
 И вопрошал у Духа Яви -
 Учителя и Ясновидца,
 Ведь никогда он не слукавит,
 Отколь изволит нам явиться!
 Не оттого ль он к нам приходит
 В лучей искренье облачённый,
 Что в облаках коль ум наш бродит,
 То лик свой видит отражённый?
 - Скажи, как к людям относ`иться,
 Оплот небес и мироздания?
 Как с Истиной не ошибиться,
 На путь встав Солнечного Знания?
 - Покуда б всеу был ты мною,
 Восторга б оперы не стихли,

Добро творя, воюй с войною,
Войдя в изысканные вихри,
Ищи тропинок паутинки,
Веди людей к всезнанью мира,
Умей сметану в древней крынке
Преобразить в ведро инжира.
Во славе утренней возраста,
В народ неси познания семя,
Чтоб обратилась волчья стая
В цивилизованное племя!
Экранов век калейдоскопы
Сопутствием навек свободным
Босые сотрясали стопы
Атлантам гневным, благородным.
Лежал, распластаный по миру,
Бурленьем жизни упоенный,
Извне неведомую лиру
Будил дух вечный, непреклонный.
Существ хтонических стенанья,
Ландшафт, умасленный красами,
И каторжных трудов старанья -
Всё проплывало пред глазами.
Сюрреализм иных Вселенных
И детских лет воспоминанья,
Видений пляска неизменных,
Прах неосознанных желаний,

Прошедших жизнью откровенья,
Прозрения веков грядущих,
Самой Реальности веленья -
На струнах Кармы вездесущей.
Добра и зла неразличенье,
Единство яви в человеке -
В одно лишь снизошло мгновенье
Необходимостью опеки
Над разумом толпы, кишащей
Порочным адом формализма.
Я мыслью, отныне вящей,
Мир тщусь избавить от садизма.
Но проклят всяк поэт безвестный,
Он отрешён непониманьем,
Его мечты и интересы
Столь далеки людским желаньям!
Мы даже прямо, без намёков,
Сложить готовы вам баллады,
Но слышим очередь упрёков,
Наивных скептиков тирады.
Так погряжайте же в пороках,
Лишь ржавь найдя
В межзвёздном кладе,
А мы вас встретим на дорогах
С прямой наводкою в Самади!

Знамений дух!

Ищут, ищут направленья.
Кто - застенчивый напалм?
Меня радуют движенья,
Словно я давно не спал.
На загровке высь крутая
Разевает бездны рот,
Брызжет Рамакришна раем -
Значит, Рамакришну прёт!
Невдомёк ему утечи,
Ни к чему ему дела,
Зато радуют успехи
И взрывают зеркала.

Он - знамений концентратор,
Словно мир наоборот
Вызывает ликвидатор
Там, где властвует народ.
Космос - не салатный камень,
Нужный отрок или бес,
Он зарядку видит с нами
И летит под горный пресс.
Я едва ли догоняю -
Это слишком для меня.
Он - седой мормон с конями,
Что копыта стёрли зря!

Знания фрактальных метаморфоз

Средь тонкой паутины знаний,
 Тенёты, обращённой в пар,
 Горит, искрой сверкая пламя
 И стынет пониманья вар.
 Мы вспомнить в горести способны
 Лишь неизвестное одно,
 Что снизойдёт на нас беззлобно,
 Где веять ветру суждено.
 С иной страны придёт засада,
 Всплывёт внутри, как мыльный гриб,
 Коль в знаниях нам не преграда,
 То острый вникновенья шип.
 Мир для людей не познаваем.
 Понять - лишь вспомнить. Это факт.
 Мы летней бабочкой порхаем.
 Мы строим облачный барак.
 Нет ничего вовне узоров
 Единства мировых начал.
 Все нервы и проклятья взоров
 Лишь наш характер раскачал.
 Так, знающий самоуверен,
 Не внемлет новым естествам.
 А неуч в обществе потерян.
 Меж кем остаться — выбрать вам!
 Деревья мы. Кусты слепые.
 Корой и грязью обросли,
 Лишь в сердцевинах чуть живые,
 Но не приемлем мы Земли.
 Хоть сотый раз лоб бей об стену,
 Твоё нутро — не прорастёт.
 Не станет роскошью полено,
 Ковром лесным не расцветёт.
 Алеют пламенные дачи.
 Из них на Марс, как сон-трава,
 Огнём свинцовым небо плачет.
 Природа даже здесь права.
 Живём мы в сумеречном мире,
 Крутясь как белки в колесе.
 Мы в лотерее или в тире,
 И в паутине бреда все.
 Тревога яблочных закатов,
 И купороса океан,
 Сырой гранит седой палаты
 Есть каждый назначенья сан.
 Так только ль благо волны знаний.

Учёный или мистик прав?
 Достойный грязных поруганий,
 Средь них всяк кролик — и удав.
 Учёный — кость, стена, картина.
 А мистик — более, чем мир.
 Ему открыта паутина.
 Слизал кипящих сливок жир...
 Для нас болезненное благо -
 Увидеть мир, как радуг свет.
 От одного мы родом бага.
 Весь Запад — циника ответ!
 В полях нескрещенных сознаний
 Кусает всяк облезлый хвост.
 И в громе злостных поруганий,
 Готов себя разрыть. Но прост
 Однообразны средь событий
 Людей цветенье или гнев.
 Лишь крохи знают эти нити.
 И видят правду там, где миф.
 Ведь всякий в сотни раз прекрасней,
 Сложней и глубже только мир.
 Он в нас. Люкс-номер первоклассный
 Всяк для Вселенной, сколько жив.
 И отчего вдруг иллюзорен
 Свет величавый Пустоты?
 Он в мудрой древности притворен.
 Ворота - он. Ворота - ты!
 Бессмертен космос. Знай отныне,
 Неколебим его устав.
 В небытии, как райском дыме
 Есть всё. Гораздо больше прав
 Ищи внутри. Под оболочкой,
 Застлавшей сонный мутный взгляд.
 Над примитивной заморочкой
 Мудрейшие не век корпят.
 Что бытие — лишь мыслеформа!
 И время — лишь поток идей.
 А трансцендентность, пусть не норма,
 Она — актёр и лицедей,
 Нам открывающий столетья,
 Нас прорывающий в века.
 Как пауком окутан сетью
 Всяк, чья дорога высока.
 Цель самобытна. Я лишь кратко
 Затронул суть, но всё сказал.

Так не ищите же украдкой
Весёлый и гремящий зал.
Вам солнца, данные в ладонях,
Расскажут, что такое жизнь.
Идиотизм в кровавой зоне -
Рисунка клочок. А ваша — кисть!
Так не судите слишком строго
О том, чего не может быть.
Разлезлась клочьями дорога,
Для тех, кто скинул в глину нить.
Реальность Робинзона Крузо
Гораздо ближе, чем поток.
Но для слепцов она — обуза.

Тела их рвутся в водосток.
Молчи! О неразумный камень!
Ведь коль бы знал ты — был бы нем.
Мерцал бы на горах ты льдами.
Завёл бы облаков гарем.
Он неразумен потому лишь,
Что видит полное в пустом.
Не знает, быстрый, словно пуля,
Что космос весь собрался в нём.
Мир благодатен без претензий.
Пошелести своей листвою.
И в пляске огненных суспензий
Узри вибраций волшебство.

Ионы Лакшми

Богиня Лакшми тишину
Сокрыла в горный свет,
Как будто чувствует вину
Или хранит обет.
Она взошла за горизонт,
Горят её глаза,
Прожилками исчерчен зонт,
Растрёпаны власа.
Над всполохами пышет жар
Возвышенных красот,
Она несёт свой чуждый дар
В исчерченный осот.
А в переливы мерит шаг,
Сбегая от высот
Переплетеньем тела, маг
Иль лотос мудрых сот.
Ионы Лакшми унесут
Созвездия. Волхвы
Ветрами предстают на суд
Дорической халвы.
Белиссимо! Вестимо, вал
Звал суккулентов рост.
Звон скрупулёзно бег созвал
В обратных чашах звёзд.
Нас накрывает полотно
Распределённых чар,
Оно безумьем сведено
В ведический отвар.
Сколь радиация сильна?

Не оттого ль в глуши
Богиня Лакшми из вина
Готовит беляши?
Как опахала, восемь рук
Вращает мельниц год,
Идеи идеальный друг —
Левосторонний крот!
Спокойствием летит волна
Магнитных бурь окрест,
А ты, сому познав до дна,
Прошёл кислотный тест?
Тест графики земных орбит,
Распухших стратосфер,
Безмерный обретая вид,
Меняет свой размер.
И мчится за полярный круг
Ионов череда,
Манифестирует дух стук,
Вздымая города.
Открыли рты, задрав леса,
Узревшие сей знак,
Знамений воют голоса —
Монах или дурак?
Разверзлись стяги в облаках,
Как радуг холодец,
На циклопических кругах
Горит снегов истец!
Вращается полярный луг,
Сребристый обруч льда.

В нём резонирующий круг —
Лишь льдистая вода.
Всё суета! Но Лакшми взор
Открыл секреты зон,
Он генерирует узор
Через тайный гарнизон.
Богиню радует тюлень,
Несут на суд мозги.
Тюлень отправился в Тюмень,
Где не видать ни зги!
Покрыта корочкой из лыж,
И, как сова, тиха,
В пельменях застревает лишь
Под пенье петуха.
Сколь грациозен Лакшми шут,
Она всегда видна,
Зарос корой её кунжут,
Просвеченный до дна.
Пуруша едет на парад,
Вершит обряд чудес,
Надел он праздничный наряд
На хлебницу небес.
Но Лакшми ногу оплела
Лианами мимоз,
Она миногами мила,
Иль филинами ос
Готовит ветошь Пустоты?
Облагородив мох,
Где полюс северной звезды
В парад планет усох.
Фиалками забытых войн
Вершится Индий звон,
Он резонирует покой,
Расшатывая стон.
Фатою льды укрощены,
Торосы не скрипят,
Под светом звёзд ничьей вины
Не чувствует закат.
А каменистый футуризм
Надир не сохранит.
У амазонок феминизм,
Как нигилизм — кишит.
Но в царстве северных берлог
Кивает артишок,

Поэт записывает лог,
Зевая свой стишок.
Там вечны вздохи и слова,
Вершится взгляд, как шок,
Ссыпает ядрами едва
Протонный порошок.
Из гелия он создан сплошь,
Он — стрелы альфа-сил,
Людская выгорает ложь,
Свет правду огласил.
От Лакшми свежестью разит —
Она всегда права.
Цивилизаций паразит
Слагает мысль в слова.
Игрой показывает рой
Гамма-лучистых строк.
Вершиной мерится порой
Превозносимый рок.
Прясти полотна голограмм
Под вспышками Плеяд,
Где пентаграммами программ
Атланты век стоят.
Вдруг Лакшми расцвела вьюном,
Как Шочипилли спел.
Струны сознаний стали сном,
Собрать мир не успел.
Но линзы — друз ли? Грозди — рос?
Грузди — гвоздистых роз?
Компас показывает кросс,
Схватившийся за хвост.
Сияний северных желе
Раздулось меж планет.
Разгул цветастый пожалей
Для солнечных карет.
Солярных сил открыт канал,
Чтоб волшебство творить.
Отправь рассудок в перевал,
Где сложно говорить.
Узри чакральные пути —
Наката звонкий зов
Поведает, как нам найти
Сиянье голосов.

ИСС

Изменённые сознания,
Искажённые миры –
Вибросферы созиданья,
Знаний радужных дары.
Бесконечны точки взгляда –
Расширяй свой жизни сон,
И разверзнется, как клады,
Звёзд пучинный перезвон.
Войско мы. Нас сотни, орды,
Мы срываем серость дней!
Пусть звучат в главах аккорды
Многомерности идей.
О, несчастные народы!
Что за бесы стан ваш гнут?
Неужели от природы
Был завещан вам хомут?
Неужели мир удавку
Вам на шею нацепил?
Кто такой на войны ставку
Сделал? Кто этот debil?
Копите ракет колбаски,
Паутиною спецслужб
На уши надели сказки,
Чтоб словить навару куш.
Космос – зеркало поступков,
Что свершили – то придёт
Без стеснений и уступков,
Вас средь всех людей найдёт.
То добро, что возвышает
Жизни гармоничный ход,
Зло единство нарушает
И к безумию ведёт.
Все они в пределах граней
Относительно людей,
Открывай путём исканий
Новые ходы затей.

Посылаем волны миру,
Формируют они нас,
Радость ловим, платим виру –
Всё вернётся без прикрас.
Словно Солнца, пламя жизни
Разольётся по очкам.
Свет несущим – даст харизму,
Волю дарит новичкам.
Тьма сама себя разрушит –
С ней не надо воевать,
Ибо злоба мысли сушит,
Мирно всем мешая спать.
Чем мы больше тьму штурмуем,
Тем мы больше тьму плодим,
Светоч лишь едва почуем –
Вмиг рассеян хмурый дым!
Так несите ж всепрощенье
И любви вселенской свет,
Чтоб остановить вращенье
Колеса бессчётных лет,
Превращения оставить
От одних до новых тел,
Дхармы силою направить
Жизнь в безоблачный удел.
Безупречно и бессчётно
В триллионах звёздных сред
Плыть в Нирване благородной -
Вот вам, люди, мой навет!
Выплывут пред очи явно
Параллельные миры,
Где экстаз вольётся плавно
В космологию игры.
Изменённые сознания –
Кладезь знанья вам под стать!
Как стремленья и старанья
Нам откроются опять?

Истоки эволюции сознания

Что человеку не дано,
 К тому стремится непременно.
 Но время жить его отменно
 Отмерено. Не суждено
 Вкушать всю сладость мироздания
 На распластавшемся пути
 Не поздно ли ему уйти
 Из-под пределов подсознания?
 Паук оставит тихий след
 На липкой, словно шерсть, корзине
 В его прогорклой паутине
 Фантазии – и мига нет!
 Те, что в привычном мире, тщетно
 Пытаются добраться вплавь.
 Свою историю добавь,
 Сказитель, искази заметно!
 Зачем стремимся к цели мы,
 Когда ценить её не смеем,
 Хранить, имея, не умеем?!!
 Сколь далеко до Колымы?
 Светило радость доставляет,
 Как цель, к которой кожу рвём.
 Достигнув, весело умрём;
 И пусть удача повлияет
 На радость жизненных начал,
 Откуда все мы пешим ходом
 Плывём стоглавым пароходом,
 Где глас младенца прозвучал.
 Удача есть. Она бесценна,
 Ведь всякий раз её цена,
 Уж сколь нам грезилась она,
 На деле – пропадёт мгновенно.
 И непременно будет так,
 Коль всяк мечте пусть вызов бросит
 И ничего у ней не просит;
 Щепу и сушь скрывает лак.
 Душа – прожорливее брюха,
 Ведь не насытится она,
 Но будет вечна и юна,
 Хоть телом – дряхлая старуха.
 Как в нечистот поток извечный,
 Добытый потом и трудом,
 Хлеб зерновой в хлеву седом
 Всё ж обратится бесконечно,
 Так и стремления души,

Когда близки – порой отвратны,
 И далеко не столь приятны.
 На расстоянье – хороши!
 Я наблюдал, как шаг за шагом
 Из ничего и вникуда
 Осколков острая вода
 Течёт в канаву за оврагом.
 Там, где погашен звёздный свет,
 В агонии где светоч бьётся -
 Идея просто не даётся
 Всей жизни отворотить запрет.
 И я скользил между мирами,
 Как книгу космоса листал.
 Пропахла дёгтем береста,
 Расплывшись между миражами.
 Со стороны увидев мир,
 Я воспарил над всей планетой:
 В Этерне ведь запретов нету;
 В нас всех колышется эфир.
 Столь ясно, чётко сознавая,
 Не утверждайте между слов,
 Деление из двух голов -
 Противоречье ада. Рая
 Давно уж нет.
 Сливайтесь цепью воедино,
 Рисуйте лишь свою картину
 И падайте на снежный свет.
 Мы формируем мир, как видим,
 И видим, что наш глас создал.
 Ты вероятность угадал
 Отколом лунным не в обиде.
 Ты есть лишь только потому,
 Что сам вершишь своё уменьье.
 Я поздравляю. Руку жму
 За внутренний фонтан веленья.
 И каждый раз он в новый свет
 Бывает собран раной рваной.
 Стекло текло на мой завет
 И угасало в сладкой ванной;
 Среди пены облачных начал
 Трансформер Солнцем заискрился,
 Меж крон деревьев засорился.
 В канализацию кричал
 Столь гулко, сколько невозможно.
 Тягучесть мёда и огня

Калит железо дочерна,
Черпая дёготь осторожно.
Лепи, плакучий пластилин
Собак, дома, хвосты, узоры,
Переговоры и дозоры.
Властитель жизни он средь глин,
Добивших общее начало;
Истоки, корни, род людской,
По-деревенски городской,

В нём радость жизни привечала
Любого, кто не выше нас.
В соблазн низвергнув не поддастся,
Давайте дальше будем красться,
Где кросс обманывает час.
Там газ сокрыт толпой кишачей.
Запретной палкою пороть -
Пора её перебороть.
Взор обращайтесь к звёздам чаще!!

Канатоходец

Нити звёзд надо мной растянулись,
Я покорен их воле и снам,
Одеялом вокруг обернулись,
Обнаружив величия храм.
Вниз стекают на мир наш бесценный,
Преисполнены тысяч цветов,
Испещрённые золотом стены,
Людам в дар приносящие кров.
Мы – Вселенские канатоходцы,
Состояний рассудка не счесть!
В томных взорах зияют колодцы,
Возродившие вечную весть.
Завалиться на бок не желаем,
Ибо смоет страстей океан,
Оттого ли заведомо знаем:
Вкруг - туман лишь, мираж да обман!
Нужно всем заточить свои пятки,
Чтобы тоньше струны был предел,
Мы расставили жизнью палатки,
Вновь свершив ликование дел.
Если тонко идём, то нетленны,
Расцветает мысль - самоконтроль,
И тогда раздвигаются стены,
Чтобы выполнить новую роль.
Закружится виток эволюций,
Развернётся родная Земля,
Пролетит череда экзекуций,
О Реальности новой моля.
Совершается диво мгновенно,
С каждым вздохом, и здесь, и сейчас,
Искаженьями разума бренны,
Но опять пролетаем сквозь лаз.
Неоконченность, незавершённость –
Наши лица и наша беда.

Изменение – извечная склонность.
Путь свободы – вступить за врата.
Не цепляться за жизни привычки,
Но идти, как всегда, напролом,
Отыскать от сознания отмычки –
И реальность покажется сном.
Всем являлось за годы немало
И идей, и затей, и чудес,
В душах сила небес познавала
Бесконечный иллюзии лес.
Тот свободен, кто явь осознает,
Тот прекрасен, кто правду гласит,
Безграничен, кто с миром играет,
Невзирая на скошенный вид.
Дышат в нас разномастные лики,
Подсознания зовёт океан,
Собирая в конструкторах стыки,
Чтобы выровнять солнечный стан.
Часто люди судьбой недовольны
И обмануты опытом лет.
Оттого ли бывают безвольны?
Оттого ль устремлений в них нет?
Стоит лишь воспарить над вопросом –
Он являет свой мелочный дух.
Изнутри мы подобны мимозам,
Изгоняющим яростных мух.
Но полёт над холодной планетой
Исцеляет наш разум глухой,
Меж галактик он странствует где-то,
Обретая единства покой.
Дабы шаг совершить до природы
Понимания снов Далай-Лам,
В новый строй разместите колоды,
Разделив бытие пополам.

Ключи к осени

Шёл я как-то полем тихим
 На заре осенних дней
 На борьбу с великим лихом
 В стан безумия идей.
 У обочины дороги
 Встретил странных двух ребят:
 Шут безносый, плут безногий
 Отправлялись на парад.
 Вдруг достал безносый грешник
 Из запазухи ключи,
 А его седой приспешник
 Две штанины засучил.
 И, мгновение помедлив,
 Но прощаясь на века,
 Мир, что нынче привередлив,
 Скрыл от взоров старика.
 Так остались в хмуром поле,
 Словно чёрные грачи,
 Я и дед, зажженный волей,
 Тот, что мне вручил ключи.
 Удивительно меняться
 Начал облик старика,
 Стал он в горы превращаться,
 С чьих вершин течёт река.
 Я кричал ему по ветру,
 Разбивая вдрызг лазурь,
 В колыханьях слоя фетра
 Усмотрев предвестник бурь.
 Побежал за ним в долину –
 Он распластывал холмы,
 По пути сажал калину
 И варил котёл сомы.
 Натянул извне пейзажи,
 Точно маску на лицо.
 Не дойдёт до нас сын вражий -
 Лес его возьмёт в кольцо.
 Перестало мне быть ясно -
 То гора иль человек?
 Встал подле очей я красных,
 Прямо на череп, как Олег.
 Что за тайна, что за ветошь
 И куда ключи ведут?
 То ли в зиму, то ли в лето,
 Там всех нас совсем не ждут.
 Глас трезвонил ветра рыком,

Он кричал, как водопад:
 «Ты предстань прозрачным ликом –
 Ключи к осени – сей клад!»
 Разливаясь по подолу,
 По краям кусты взрастив,
 Приказали богомолу
 Совершить времён прорыв.
 Я схватил ключей охапку,
 Побежал к подошвам скал,
 Там, здороваясь, мне лапку
 Мудрый протянул шакал.
 Мы пошли с ним по полянам,
 Мы искали в осень ход,
 Стали жить единым кланом
 Меж песков брусничных вод.
 А в горах, у кромки света
 Бьют фонтанами ключи.
 Воды их душой согреты,
 Воды эти - палачи.
 Всякий, кто вкусит истоки,
 Здесь останется навек –
 Наложили чары боги
 На начала хладных рек.
 Если ж кто испить изволит
 Родников хрустальный сок,
 Тот в безумие неволи
 Попадёт в кратчайший срок.
 Станет по миру скитаться
 Гражданин Всея Земли,
 Меж морями разрываться,
 Как златые короли.
 В общем, поздно или рано
 Подошли к сражённому сном
 Героическим каланам,
 Горы развернув вверх дном.
 В подпространстве сохла шкура,
 мех пустой на ней оброс.
 Век вершащие асуры
 Просверлили хладный мозг.
 Он ключи вращал красиво,
 Он открыл весёлый гвалт,
 Вторглось листопадье криво,
 Полостью разверзся бал.
 Листья в небо улетели –
 Там донине и живут.

Над Луной желтели ели,
Под землёй взрывая грунт.
Ночи холодом сразили,
Бег ключей заиндевел.
Что за чудо в этой силе?
Следовать ли им за ней?
Небо опустило краски,
Ядра скрыв в глазах озёр,
И в таинственных салазках
Скинул шкуры лета вор.
Высохли оковы брода –
Этот ком воспринял ключ,
Села осени порода
В тишине отвесных круч.
Пела грустная волынка
Про последний перевал,
Села в голову картинка,
Впрочем, я её не звал.
Осень вышла за ворота,
Янтаря медовый свет
Озарил вокруг болота,
Да забытых пару кед.
Время достаёт тентакли,
Тянет, грозные, вокруг,
Изменяя свойства пакли,
Как космический паук.
Реки вмиг осоловели,
Мысли вмиг пошли вразброс,
А на островах пределе
Вырос медный купорос.
Осень-девушка кошмаров –
Метров десять в высоту,
А во рту гаремы пара

Бродят в сумрачном бреду,
Курултай вершат отменный,
Дабы горестно ничей
Лист петрушки непременно
Становился горячей.
Но её уж нет в помине!
Только фотографий слот
Нам напомнит о картине,
Пройденной в нелепый брод.
И сейчас она сокрыта
По задворкам и домам.
Где пройдёт – тропа прорыта,
На трубе играет Пан.
Обрекли навеки шастать,
Обрекли навеки жить!
Осени, слепой и красной,
Не прервётся эта нить.
Мы ключи не подвязали,
Ветер северный впустив,
Мы идей не переврали,
Гнёзда из осколков свив.
Осень мы пустили в лето,
Осень мы пустили в дом,
Покарает нас комета,
Дописать бы новый том!
Миру время не служанка,
Миру время не раба!
Пусть бахвалится поганка –
Такова её судьба.
Но ключи давно зарыты,
Надо ж было сохранить!
Вы впустите её в плиты –
Осень не остановить...

Курит дед!

А у нас в Рязани
Все грибы с глазами.
Небо зеленеет,
Если курит дед.
Он, набивши трубку,
Сядет в мясорубку
И поёт задорно
Про гнилой клозет.
В этом туалете

Пляшет на балете.
Валенки несутся
В сальто-пируэт.
После, прыгнув в сети,
Сверлит бок ракете.
Все в округе прутся –
Накурился дед!
Выбежал он в поле –
Сверху стаи моли...

Клювами щекочут,
Песенки поют.
Посыпает солью
Дед под антресолю.
Знать, исчезнуть хочет
Пожилой наш плут!
Пролетают луны,
Проезжают гунны.
Безбилетный зайчик
Хвостиком трясёт.
Разгадал дед руны,
Разрывая струны,
У гармошки клянчит
Сверхсекретный код.
Пусть в лесу коряги
Зачаруют маги.
Пень любой пендрявый –
Это бегемот!
Нет в Сахаре влаги,
Дайте ж, люди, браги!
Чтобы дед почаще
Бегал в огород!
На цветных колёсах
В обществе матросов
Отжигает в трансе
Дед суровый слэм.
Где среди сенокосов
Малевал баблосы.
В буйном этом танце
Линкольнов гарем!
Морячок в тельняшке
Выверни кармашки!
Покажи народу
Свой мужской...кулак!
В замке барабашки
Расчленят барашка.
Эх, не суйся в воду,
А забей чердак.
Ширинка нараспашку,

Там горит бумажка.
Спереди свисает
Галстука петля.
Дворник Чебурашка
Лупит лбом алкашку,
Что ползёт, босая,
По стене Кремля.
Глянь: за частоколом
Делают уколы.
Это дед всем ставит –
Прививает, знать!
И король там голый
Исполняет соло.
Почесав, поправит –
И давай карать!
Слышь! На сеновале
Белочки скакали.
Бронетранспортёры
По лесу идут.
Все деревья валят,
Не жалея стали.
А внутри шахтёры
Пожирают грунт.
Ловит дед уroda
И растит удода.
Да на Солнце лаёт
Этот организм.
Ты, не зная броду,
Нацепи колоду.
Прояви, ныряя,
Радостный садизм!
Небо зеленеет,
Солнышко чернеет...
Варят, глянь, медведи
В печке русской мет.
Под забором геи
Делают затеи.
Знают даже дети –
Это курит дед!

Курица - не сушка!

Я сижу, наморщив лёд,
Бряцают картины.
Паутина не идёт

Через бригантины.
Косогоры возле дня -
Няши – не Петрушки,

Наши все – не из-под пня,
Курица – не сушка!
Кто пороки не давил,
Фиги выжимая,
Тот и соки не извил,
Звёздами играя.
Грот зарылся, я ж бегу,
Брызгая украдкой
На прибрежное рагу
Сонной пчеломаткой.
Вскрыл печатью полыни,
Аромат полыни
В плеск абсента сохрани
Омутом в полдыни.
Ух, кукушечка! Но хмырь
В рык дозволен мною,
Скачет Фредерик-упырь
Блошкой с ногою.
По заборам опахал,
Пропахал потуги
Хама тугодум-нахал,
Хлопая под руки.
У подруги между ваз –
Гули-Гулливеры,
Верю ли в третий глаз
Лезли флибустьеры?
Ты – творец, а я – твор`ог!
Потные малышки
Грогом в горны ворох ног
Обернули в книжки.
Обер-унтер-секретарь
Жучьим соком пахнет,
Комнат он скребёт янтарь,
Пока гром не ахнет.
Тварь творится ль? Крендель – сыр!
Ветчиною с воском
Инженер набил инжир,
Словно череп – мозгом!
Снова всё наоборот?
Рыба с сапогами
Чинно по полю идёт,
Шаркая ногами!
Бука, сев на сеновал,
Вертит самокрутки,
Уток он хотя не звал –
Прилетели утки!
Серебрится баянист,

Нам б побриться, жрица!
А Масодов – ох, артист,
Врозь маньякам снится!
Ницше в Ницце был циклоп,
Лопнувший о клетку,
Не поёт он – пьёт сироп,
Вкус вишнёвый, детка!
Топором топорщат нос,
Курят сигариллы
В кустиках солёных гроз
Курицы – гориллы.
Лилий йод дары пропил
Припиленгликолем,
Олли тика лик умыл
Лозоходным полем.
Фрик республиканских нот –
Просто францисканец,
Полоскун - но не енот,
С ранцем тащит танец.
Иностранец с Таней дня
Тайны перевозит.
Он шпионит на меня,
Под илота косит!
Вивеком Луна висит,
Сито, я – Россия!!!
А Сизиф в ответ – не ситх,
Но шизофазия!
Минотавр – промтовар
В снах Минобороны,
Бормотухи самовар –
Борман у Горгоны.
Гормональный трансвестит
Вести перепутал.
Он по жизни всё свистит,
Это очень круто!
Рут-пароль пронёс пурген,
Генно-инженерный!
Генерал среди прочих Ген –
Космонавтам верный!
Ты скажи скорей размер,
Не тяни резину,
Лучше свой защитный сквер
Натяни на Зину!
Отвали ж – заела моль,
Лакомо играя!
Шерсть вихрастая! А соль...
Соль не дорогая!

Мира мим

Мим хвостатый, мим зубатый
 Смотрит в грустные глаза.
 Носопатою лопатой
 Подчиняет елоза.
 То он вянет, как бинокль,
 Что портьеру брат и враг.
 В небе дышит Севастополь -
 Моря призрачный дурак.
 Мажься, мажься хлеб на масло,
 Бит на вектор, мир на дым.
 Пока лето не угасло,
 Стариком будь молодым.
 Я торчу меж полушарий
 Мозга жареной Земли,
 Транскосмических аварий
 Полны мыслей корабли.
 Флаг воздвигнув, пяткой вдарю.
 Пусть молва поставит крест,
 Уподобив поном`арю
 Ряд лишь нам великих мест.
 Вкруг лучей табун роится,
 Грохот ржавый кашлем бьёт,
 Издыхает веско птица...
 Эшелонам-эшафот!!
 Кубик Рубика повеса
 Разрубают на куски,
 И из них строгают резко
 Волю радостной тоски.
 Мир поэт, как знает, строит,
 Собственный вдыхая дух,
 Чем язычников покроет
 Мелочных извне разрух.
 В нём деяний предсказанья
 Обнимаются с ордой,
 Коей стали понуканья
 Потрясают бородой.
 Оттого недосыпаем
 Рой мушиной красоты,
 Что чертям водиться с раем -
 Верх упрямой срамоты.
 Мне детали так мешают
 Видеть сущность – скину скин,
 Пусть дебилы вопрошают
 Официанту карту вин.
 Посему гляжу на рои,

Шорох хладный бью ногой,
 Что ракет вершинных хвои
 Заправляют кочергой.
 Пнуть – стена не разлетится,
 Воспарить – она растёт,
 Этих стрел лукавых птица
 Коротит в седой отлёт.
 Хлопай крыльями, сказанье,
 Ножки Буша в урну скинь.
 Тех постигнет наказанье,
 Кто не думает. Аминь.
 Я не буду здесь толкаться,
 Околачивать бока.
 Ведь реальности я братцу
 Лет как сто сказал: «Пока!»
 Он такой же, как сестрица, -
 Ни ума, ни чести в нём;
 Лишь голодная страница
 Носом тянет за пером.
 Ведь изрёк же на замету
 В съеденной червём коре:
 «Коль гора не к Магомету,
 Он тогда идёт к горе.»
 В межпространственную эру
 Круг, включивший два луча,
 Измельчённую даст меру
 Архаично горяча
 Та направленность без края,
 Где прямую как спираль
 Породит ещё прямая.
 Нет, цилиндр. Я здесь враль.
 Сколь обыденно сходяще
 Удивленье у людей.
 Он привык в густой жить чаще
 Виртуальности идей.
 Форма порождает форму,
 Возвращаясь по кольцу;
 Маятник исключит норму,
 Что отныне не к лицу.
 Пусть корявою лопатой,
 Отряхая жизни пыль,
 Археолог полосатый
 CD-ROM`а роет шпиль.
 Под завалами столетий.
 Где тельца златой кумир

На фреоновой комете
Извлечёт наш бранный мир.
Оттого баланс разрушен
И доказан род людской,
Что, проклятием укушен,
Развивался городской.
Истины всегда крупица
Разжигает лучший кус.
Чтоб безбрежьем не упиться.
Подними – на! - Тяжкий груз.
Груз чем легче - желчь забила
Человека до скота.
Жизнь пока его любила,
Был он круглый сирота.
А потом, уже не в силах
Приподнять Атлантов вес;
Купорос в иссякших жилах,
Изменён нагрудный крест.
Отсего долбай башкою
Красный кровяной кирпич,
Петляной мотай кишкою,
Что лассо, изрыгнув клич.
Мягкотелое созданье,

Извлекающее нас,
Позабудет пусть преданье,
Твой убийственный указ,
Пусть, коль чист душой, как ангел,
Не затмится ум его.
Предсказанья старой Ванги -
Пуль ушедших воровство.
Их так много, сколь колючи,
Сколь лучисты, как металл;
Золотой глубинный ключик
Под асфальтом раскатал.
Где живёшь ты, тем отстроен,
Чем отстроен, тем разрыт,
Чем разрыт, тем в поле воин
Украшает древний Крит.
Коли папуас под шапкой.
Ты под шпилем. Так проткнись!!!
И готическою лапкой
До турбины дотянись.
Человек всегда из каши,
Но не зрит порою мразь.
Пусть потомок славы нашей
Не увидит эту грязь!

Мои карманы

Мои карманы подобны шаманам,
Подобны проекциям дальних широт,
Они из нагана куют барабаны,
А время плешивое прёт всё вперед.
Мы вышли из грота – морская пехота,
Безумная лошадь – слоистый кентавр,
Какая порода – слететь с эшафота
И выдохнуть гулко огня перегар.
Прошлись по экранам, кивая карманом,
В нём ветки и роскошь, рубин и таран,
И в клочья избы мы избрали калана,
Наполнив востоком
Волшебный карман.
Эгегей, воробей,
Ты сироп, смотри, не пей –
Мои карманы уносят меня,
А за мной идёт стройбат
Из накачанных ребят,
Мои карманы уносят меня.

Я лечу в небесах,
Звёзды заплелись в трусах,
Ну а карманы набиты битком,
В голове - голоса, а под головой – леса,
Жалит томная оса Райисполком.
Я завил в планеты нить,
Чтобы на планетах жить,
Чтоб туда залить с утра реки и сон.
Там я погружу в карман,
Мятый атлас дальних стран
И поеду на горах строить балкон.
Эгегей, лицедей,
Ты носитель сов и змей –
Мои карманы уносят меня.
Я по облакам иду,
Солнца в бороду кладу,
Ну а карманы уносят меня.
Можно положить в карман
Порошочка килограмм,

Сушёных кустиков целый мешок,
Промокашек затолкать
Необычных двадцать пять
Или залить апельсиновый сок.
Мировой тогда эфир
Нам устроит сладкий пир,
Гидры и мишки поедут в санях,
Мы же все с толпой ребят,
Рассмеявшись невпопад
Станем утехой в любовных делах.
Эгегей, Карл Мюррей,
Псих, циркач и брадобрей –
Мои карманы уносят меня,
Он становится добрей,
Может быть, он даже гей,
Мои карманы уносят меня.
Если ты крутой пацан,
Просто выверни карман,
Пусть мир узнает бездну идей.
Если ж не видать ни зги,
Лучше выверни мозги!

И носки порвут в куски
Звёздных детей!
Ты в карман вложи кондом,
Чтобы не жалеть потом,
Как трясогузка, сядь в сеновал.
Едут в небе не спеша
Три резиновых ежа,
Ну а четвёртый едет на бал.
Эгегей, бармалей,
Ты на бороде созрей –
Мои карманы уносят меня.
Что в карманах тех лежит,
Знает только Вечный жид,
Мои карманы уносят меня.
Эгегей, сто морей,
Ты матросика пригрей –
Мои карманы уносят меня.
Положил нас всех в карман
Атаман Великий Хан –
Мои карманы уносят меня!

Море позитива

Эх, держи Земля за гриву
Златоглавого коня!
Прыгнет в море позитива,
Пролетевши чрез поля!
Пусть бока его помяты,
Рёбра ворохом торчат,
Лоб коня закован в латы,
Кровь, как Солнце, горяча.
Неказист убогий мерин,
Но могуч природный дух,
Что в боях давно проверен.
Навостри крошечный слух –
Чуешь приближенье рая?
Эх, катись всё наугад!
Я заждался, дорогая
Мать-Россия. Очень рад
Плыть бревном по рекам вешним
Дуновений мёд вдыхать,
Радостям предаться грешным,
Душу не боясь марать.
Плунуть н`а плешь всем пижонам,

Что от гордости хрипят.
Жлобам, скукой поражённым,
Волк тамбовский будет брат!
Зрейте, лозы винограда -
О, христиан священный хмель!
Низвергайтесь водопадом
Силы в хладную купель.
Говорите, люди, прямо.
Вы ж не змеи, не ужи!
Завещал вам Далай Лама
Со Вселенною дружить.
Кто кичится положеньем –
Тот в страстях погрязший раб.
Мы его польем вареньем
И пошлём лечиться в паб.
Коль духовностью прельщает –
Часто скучен или глуп.
То, в чём он души не чаёт,
Мы добавим в свежий суп.
Бей тарелки, пей стаканы,
В бубен яро грохочи,

Пусть рассудка тараканы
Превратятся в куличи!
Смысл летает, словно белка
В подпроекциях широт!
Раздави же мягкотелку,
Что народный ум грызёт.
Знамя, вейся, как сознание,
Вымпел жупелом плещи.
Процветай свет созиданья,
В нас впиваясь, как клещи.
Подложи свинью под бомбу
Пустозвонных всех утех.
Пусть несладко будет тромбу,
Что засел с древнейших вех.
Вылетит бездонной пробкой,
Фейерверком, как фонтан.
Разгорится грозной топкой
Пониманья ураган.
Скряг, ржавеющих копейку,
До отвала накормить
Золотой монетой клейкой –
Пусть убавят свою прыть.
Раз в желудках от трезвонов
Блеска звёздного деньжат
Соков вмиг оглохнет тонна,
Капиталом дорожа.
Невозможно жрать купюры!
Все финансы, что лежат
От Парижа до Кунгура
Не насытят и ежат!
Кто к дворянству вхож в покои,
Чуть калитку приоткрыв,
У того внутри – помои,
И в носках большой нарыв.
Человек зубами в стадо
Впился, как седой вампир.
На губах блестит помада,
А в руках наш бранный мир!
Милый, но замшелый камень,

Лысину проела моль.
В зеркало глядитесь сами:
Вы – весь мир...И в этом соль.
Поразительные твари
Варят разум на костре,
Здравомыслие кумарят.
Жизнь придёт к своей сестре.
А что дальше – хрен великий
Вам расскажет поутру.
Он помпезный, многоликий
И является в жару.
Месяц вышел из тумана,
Из кармана жирный плед,
Вытянул, прибрав стаканы –
И пошёл с ним в туалет.
Сбросься в море позитива
Со смолистых берегов.
Мир почует гром отрыва
От порядков и оков.
Отрицай, народ, унынье!
Гимны пой – виват, аврал!
Вам политиканов линию
Сам антихрист рисовал.
Не дождёшься ты мессию,
Жизнь как вещь в себе мила!
Топнет копь пятой Россия –
Треснет мир напополам!
Дышит море позитива,
Плещет волны о берега,
Хнычет в отраженьях ива...
Мне ж – дор`ога дорог`а...
Над искристыми песками
Пчёл струится аромат.
Те места давно искали,
Передышке дух наш рад.
Ветры свистом оглушают,
Ясностью своей ман`я,
Мысли мудростью крепчают –
Так беги, где след коня!

Морыши!

Морыши отгрызены-
Мир напополам!

Графами-маркизами
Вертится стакан!

Я шагаю вверенным
Волей валуном,
А за мной Емелею
Прёт аэродром.
То ль бывали возгласы:
«Знатный господин!»
За порогом Космоса,
Сном замшелым льдин
Как трескою треснула
Адская вдова,
Иль висками вескими
Проползла трава.
Проросла под плюшком
Грозного молва,
Дилас Грау – кореш мой
И чудес страна!
Бей нацистов проклятых,
Кушай калачи,
Воробьиным окликом
Глушат палачи
Самогон под ёлкою,
Шишкой закусив,
Там под книжной полкою
Бравый спит комдив!
Я пришпорю княжеством
Гордого коня,
Маслом хлебец мажется
И несёт меня.
Песнь пою трезвонную,
Пью шалфея чай,
Царскую короною
Срежу каравай.
Как латук пузырчатый,
Кости пьют кино.
С ними - пёсик дырчатый.
Так заведено!
Мой ли то поганочник?
Мой ли милый Щорс
Потирает саночки,
Промывая ворс?
Господам гороховым
Стан несущий лося.
Даже мышек крохами!

Вся нарядна, вся!
Я – болтун меж
ведомством!
Я – пузьяк! Ковчег!
Детством или дедовством
Упекаю бег!
Хлёстко дышла сушатся!
Жёстко спят угл`и.
Гиком они тушатся,
Как английский сплин!
Боги ждут рассольника,
Я ж варю компот!
Для котов помойненьких
Трупа труд – задрот?
Косятся мартышками,
Пьют одеколон,
За печатью книжками
Проплывает слон.
Ой, тупняк соскучится,
Рокот волшебства,
Ковролином учится
Райская листва!
Я болот оранжевых
Сожалею мир.
Или только кажется?
Мор собирает жир???
Проплывают сущности!
Откосили сны!
Мощностей могущества
Хватит до весны!
Громом Уподобленных
Пляшет небосвод.
Порученьем Сломленных
Позовёт в народ.
Мусор грозно пыжится,
Выживаю я!
И грустит, как жижица,
Грузит, как змея.
Эх, Россия – Матушка,
Красная тоска!
Ты – енота лапушка,
Выстрел в три виска!
Полетели маугли,

Мышь – навстречу им!
Пингвинята – Аузли
Топчат Називин!
Ева – красотулечка –
Экий Бармаглот!
Бегемотом уличным
Я глашу: “Вперёд!”
Ведь вперёд, опарыши?
Мошек малыши!
Мушкетёры – барышни

Строят шалаши.
Вот так шизофреники!
Мир наоборот!
Состоянья пленником
Погружаюсь в грот.
Может, там тарантулы?
Или Фантомас?
Но, скорее, с мантрами
Спелый ананас!

Нагваль и сон

Ершится бесконечный вал,
Не изменяя вид.
Нагваль навершие созвал
Между проекций плит.
Ему открыты все врата,
Ходы из двух частей,
Безвестна тени суета
И дряхлость новостей.
Он безупречен, как шаги,
А взгляд его широк,
Нагваля чувствуют враги,
Читая между строк.
Вершитель судеб из окна,
Трансцедентальный гриф,
Реальность мыслями сильна,
Познание — хода риф.
Сокрылся сон внутри пустот,
Разверзся третий глаз.
Охотник, как туннельный крот
Меж планетарных ваз.
Маги сообществом скользят,
Составив карту сна,
Объединяя мыслей ряд
В проекции без дна.
Сокрыты в нас структуры дел,
Пути глубинных зон,
Хоть строй дошедших поредел,
Не чуя в унисон.
Ведь наша явь идей из сил,
Скрепляющих узор,

Дана тому, кто заместил
Абстрактным знаньем взор.
Сетям зеркал настал черёд
Разбить иллюзий круг.
Мы завершаем круглый год
Хождением меж рук
Или меж мук, что отразься,
Нас рикошетят вкруг.
Любой — иного мира князь,
Если продолжит стук.
Глубин непознанного след —
Врата в всеобщий край,
А сила, как бронезилет,
Сшелушивает рай.
Сорвав без крыльев облака,
Облокотившись встарь,
Мы гоним вечностью века,
Приотворяя ларь
В противоречия идей.
Как будто важен свет!
Взрывает разум чародей,
Найдя в себе ответ.
Нагваль и сон — как явь и навь,
Лишь смущены слегка,
Себя ты от идей избавь —
И улетит река.
Уйти вдаль всякий был бы рад,
Протиснуться меж струн,
Но! Человеческий собрат
Уж слишком попрыгун.

Его оставил ориентир,
Он мягко разобщён,
Усилия людей, как тир,
Где каждый не прощён.
Не будь столь горд, о сын пустынь,
Собой лишь будь и знай:
Что было — будет. Так остынь,
Действительность познай.
Что выручишь — подарок твой,
Покой — заклятый враг,
Кто выбирает лишь покой —
Законченный дурак.
Рыбалка — месса торжества,
А в снах структурный взгляд.
В нас коченеют вещества,
Вскипев на новый лад.
Разбив свой сон, подвинешь вид,
В былом ищи крючки.
Зацепкой выбор твой увит,
Надевшего очки.

Себя очистив от цепей,
Освободив от пут,
Диапазоны знанья пей,
Но это тяжкий труд.
Попробуй обрести внутри
Подвижный транс идей,
Тогда снаружи осмотри
Бред бытовых людей.
Намеренье пересобрать —
Канал ведущих сил,
Чтобы неведомое брать,
Нагваль себя спросил.
Гласам безмолвия поверь,
Ведь правда не сполна
Приоткрывает магам дверь,
И сносит их волна.
Тогда ты будешь точно знать:
Границы — это ты!
Сюрреализм — немая мать
Вселенской красоты!

Насекомое моё!

В лето статных насекомых
Переливчато летим,
Между клоунов и клонов
Жалом дышит сизый дым.
Изнутри вспухают крылья,
Ты препоны одолей,
Перепонки на полмили
По полям разжечь сумей.
Как кивают богомолы
В коридорах пирамид,
Так исходит из под полы
Нимф мерцанья сонный вид.
В рёве ветоши пустыни
Трём пятою мы зерно,
Мириады молний синих
Ткут сознанья полотно!
Так пойми ж, о человеке,
Зря движеньем упоён!
Мысль твоя – петуний вече,
Пауков земной полон!
Взгляд низвергни наизнанку.
Видишь? Там сияет клоп!

Он – хрустальная приманка,
А в груди – калейдоскоп.
Сушат жвала стержни мира,
Щупалец отсохла пыль,
Опираясь из эфира
На костей сухих костыль.
Пчёлы слышат! Пчёлы дышат!
Пчёлы в людях гнёзда вьют,
Будто полевые мыши.
Темя жалят или жгут.
И в борьбе своей извечной
Мёда капли в нас текут,
На реке пути беспечной
По берегам оковы ждут.
Люди – ульи-небоскрёбы!
Франкенштейнов коллектив,
В очертаниях Европы
Вещий зреет лейтмотив.
Темзы хладной пчеломатка
В прах ведёт пустынный мёд.
Её брюхо томно, гладко
Вертит куц людских оплот.

В банках пухнут яйцекладки,
Зреет в них финансов сор,
Фунтов стерлингов заплатки,
Долга красный мухомор.
Морит мух седой поганец!
Кверху лапками лежат,
Отскакав последний танец
Мухи в шатких гаражах.
Босх скрипит в обломках тучи
Кистью колкой о мольберт,
Хмурит брови, невезучий,
Утрамбованный в конверт.
Ловит цепких лап движенье,
Выжимая жучий сок.
Лязг хитинового пенья
Выстрадал его пророк.
Роем воют тела души,
Волей роют душа дождь,
Между морем среди суши
Насекомый правит вождь.
Крутит лапками, вздыхая,
Вперевалочку идёт,
Свистом воздух осязая,
Сей властитель сотен сот.
Он гремит – трясутся горы,
Магма лезет между плит,
Раздвигаются просторы,
Изменяя внешний вид.
Ты пошто царя оставил,
Твоя буйная башка?
Иль не ведаешь ты правил?
Иль тонка твоя кишка?
Нас растит личинок стая,
Нежный шёлк соткав в узор,
То работа не простая,
Не пришёл б голодомор...
Так веди за насекомым,
Мой колониальный рой!
Быть ведущим иль ведомым,
Став иллюзии игрой?
Гипомании манящей
О, безумный сельдерей!

Дождь нам дай свободы вящей,
Из Эдема сельдь идей!
Я хочу стать муравьедом,
Рабство чтоб слизать структур.
Подзаправившись обедом,
Растворить в ничто гламур.
Морд плакатных блеск гниенья
Расползается по швам.
Быть в выси или под сенью –
Некому решать, лишь вам!
Так снедайте ж муравейник,
Словно сот пчелиный воск.
Надевает он ошейник,
Нагнетая ложный лоск.
Выдыхайте пчёл потоки,
Объявите пчёлам бой,
Бьются экзорцизма токи,
Оставляя вас собой!
Мажет сталь кузнечный молот,
Мозг вправляя на станках;
Безответен мыслей голод,
Узаконенный в веках.
Спин кузнечиков зелёнка
Развевается, как флаг.
Политическим всем гонкам
Я кажу чугунный фак!
На чешуйчатых закрылках
Радуг тянет тетива.
Тащит звёздная кобылка
Вагонеток караван.
Она челюстью вращает,
Она лапами шуршит,
Оборот небес свершает
И вокруг главы кишит.
Липки коготков ухваты,
Облик нагоняет страх,
И сверкают камнепады
В сих фасеточных глазах.
Я сокрылся, я зарылся –
Да оставь же ты меня!
Инсектоид испарился
В смрадном облаке вранья...

Ода кванту

Размотав, как полотно,
 Клубок терпенья,
 Преисполненный страданьем
 Вязких струн,
 Возомните нити сожаленья,
 Разомните порох пыльных рун.
 И услышите льющейся колонной,
 Где сгорает топливо в ответ
 На исполненный узор пленённый
 Чистый понимания совет,
 Что орёт визгливо в наши души,
 Пожирающие хлеба корешки.
 Там краюшки замуруют уши,
 Возродив магизма порошки.
 Каждый миг, послушайте, на волю,
 Колет копь, кинжал свой обострив,
 Обнажившись в сахарную долю,
 Негатив рождает позитив.
 И замкнувшись в сонме хоровода,
 Цокают лезгинку сто копыт.
 Он безумен годностью до года,
 Не испил доколе время Гид.
 Гибель мира не взорвёт планеты,
 Ни системы солнечных оков;
 Будут жить, мерцанием согреты,
 Тысячи пространных округов.
 В каждый миг, и тот, что нам не ясен,
 Гибнет мир, перерождаясь вновь,
 Да гундосит дождь телесных басен,
 Заставляя разгоняться кровь.
 Смерть тиха, пространна отовсюду.
 И она – ещё один закон,
 Жизнь дающий огненному чуду,
 Задавая ритма жёсткий тон.
 Каждый квант слоятся мира ядра,
 Разбиваясь в прошлое, как в сон,
 В коем ролевой седой Карадрас
 С Джомолунгмой праздно обручён.
 Сон и явь мешают краски сада,
 Восхищенья дьявольских красот.
 И права вмещают волны клада,
 Но и гада воспитает слоя bsod.
 Стоп-экран, летящий вверх ногами,
 Тянувший в ничто из никуда;
 И на этот лук возлётший камень

Мановеньем сдует города.
 Двойников уходят миллиарды;
 Кадр являет новый мир пород,
 Эти карты падают на нарды
 Нор на нарах северных широт.
 И летят за бездну отложений,
 Оставаясь грузом жить в умах.
 Среди дискретных естества брожений
 Закоулка не отыщет страх.
 Явь в котле алхимика седого
 Размешает слюдяной настой,
 Размещает дряхло и сурово
 Пелену прозрачной мысли той,
 Что туманом скрыта быть не может,
 Что ясна и м`утна, как позор.
 И когда сомненье глухо гложет,
 Обращай на Истину свой взор.
 Падают эфирные пластины
 С грохотом и лязгом, как перо,
 Растрепавшейся по ветру пышной тины,
 Паутиною седеющих миров.
 Лики наши отплывают стройно,
 Всех бацилл резвее расплодясь.
 Абсолютен камня образ знойный,
 Ведь стерильна неживая грязь.
 Кто воскликнет: «Это правда было?!»
 Иль воскликнет: «Это путы сна?!»
 Лишь звенит дымящее кадило,
 Да мерцаньем правда солоня.
 Шара куб. Цилиндр пирамиды.
 Форма, завершённая для линз,
 Помнит, как селили гоминиды,
 Извратив перстами Кипарис.
 Указаньям древа не внимая,
 Пальцем скрюченным
 Разрыв Дупла восток,
 Ежечасно судорожно хромая,
 Разливали грога едкий ток.
 Возвышая падшие знаменья,
 Трассы муравьиных лунных троп
 Избивают острые каменья
 Вне души террасовый подкоп.
 Шибуршись, гния, людское племя,
 Возносись и падай ниц царям,
 Натирай мозолью горба бремя,

Утопая в восхвалении морям.
Рассыпайся! О, песочный замок:
Как ты мал и сколь нетороплив,
Словно нагнетает воды Кама,
Торопясь попасть в морской залив.
Посыпай тропу, старик ходячий,
Неходячий – куй свой силуэт,
Заставляя слезу
Сквозь смех батрачить.
Служит Человеку лишь поэт.
Чтобы в вечном, нам незрелом сдвиге
Не клонировать уродов
В пыльный дым,
Но объединив их в жаркой лиге,
Раздирать когтями хари грим,
Чтоб в граните точенном тесалось,
Распадаясь тленом для живых
Остриё, невзгодам ни на малость
Не уступит подвигов своих.
«Ты родился», - выбито на рунах, -
«Ты вчерашний съел стереотип».
Там сказанья яйцемордых гуннов,
Ведь на струнах возглас не погиб.
Толще, грандиозней ветхий запах
Гари Кипарисовой коры,
Горделивый шаром жара тапок
На пиры сдувает свет поры.
И каков ты жил, себе понятен,
Тем осядешь с грохотом на грунт.
Сквозь узоры разноцветных пятен
Глаз томит Востока древний бунт.
Ветерок где свят благоухает,
Всё носы уставшие торчат,
Ухо мочкою, как крыльями, порхает,
Хрипом связки глотки где кричат.
Так и мир, листая эту книгу,
Видит звуки, пятна и поля,
Видит даже скорченную фигу
В пламя тлеющего сутки короля.
Но решать, что ты оставишь за собою,
Шлейф ли запахов,
Иль звуков синий гимн,
Города песчаные гурьбою,
Иль в прикосновениях един,
Можешь сам – твоё на это право
Объективный мир велел тебе воздать.
Ибо рассуждая даже здраво,
Всех глубин Вселенной не понять.
Просто люди смотрят на Забвенье,
На страницы книги – жёсткий куб.

А иные в повелении явленья
Ищут для души навару суп.
Первых взгляд пустой, как Капитолий,
Вашингтона дерзкий Вавилон.
Но перечить стоит им дотоле,
Коли в настоящем их пол`он.
И они лежат уж на граните,
Рассыпаясь на гниющий мягкий пух.
Жалко, но на них вы не глядите.
Каждый стал давно бесплотный дух.
Всякий, утопающий в прошедшем,
Мёртв, как отделившийся двойник,
И как спутник в деле происшедшем
Порождает лишь в живых
Ответный крик.
Как сей клон средь бури существует,
Россыпью взрывая вверх слова,
Фонтанируя, из камня ветер дует,
Зная, что слетает голова.
Продолжает Вехой жить повторной,
Пытаясь возродить свой дым опять,
И к дани зомби тягой непритворной
Придворно ветра время вертит вспять.
Вселенной подчинить себе не может,
Агония кислотною биёт струёй.
И руки в складках тёмной кожи гложет,
Спинного мозга
Главный управляет строй.
Сих «мемуарщиков» - миллионы!
Терзаний, жаждущих Reset.
Червиво гробовые стоны
Встречайте на листах газет.
Впредь сторожей немой науки,
Взгляд обративших в глади блеск,
Все люди умывают руки
Об предсказаний гулких треск.
И пишут заново природу
Навстречу гибели своей.
Ну как бывать иного рода
Природе многосложных рей?!
На предрассудки уповая
И суеверия Кривых,
Армагеддону воззывая,
Да воздавая штык на дых,
Бывают выброшены миром,
Как мертворожденных котят
За шкуру рассуют по дырам,
И те уже не тарахтят.
Им вспомнить нечего, поверьте,
Уйти от мира. В Марса даль;

Их знания змейкою отмерьте
Светлой легенды про Грааль.
Не могут лечь на куба грани,
Как не хотят его узреть,
И как пираньи робкой лани
Надоткусают вашу треть.
Мечтатели погибших сотен,
Кометы с радостным хвостом,
Как псы из потных подворотен,
Взвывающих зубастым ртом.
Но лишь живёт стремглав, как голос,
Мелькает устремленьем взор.
Тех волос прям и жив, как колос,
Кто в жизни оставляет сор.
Не грязный. Чистый для бумаги,

Вобравшей опыт давних лет,
И жаждущий, что скажут маги
Первоосновный свой секрет.
Раскроют, тростью опираясь,
Бумажный чугуна гранит.
В грехах подпорченных раскаясь,
Зажжет огонь и возгорит.
Улыбкой нового столетья
Для тех, кто прост не просто так,
Разрытые открытjem дети
Наполнят кислородом бак.
Они почувствовали вечность,
Не съехав с внутренней канвы.
В грядущем ищут человечность...
И я надеюсь – это Вы!

Паломник

Он был паломник, как ушат,
И посох гнул в руке,
Был гриб его приёмный брат,
Шагавший по реке.
А с пят паломника, смеясь,
Как будто незначай,
Медовая летела грязь
И превращалась в чай.
Лица он сморщил сухофрукт,
Прикрывшись паранджой,
Ведь на власах усталых рук
Был фараон ханжой.
Хан пары Ом мудрил удел,
Ел фиги, пил глинтвейн,
И словно Игги Поп худел,
Трезвоня, как Кобейн.
Он отправлялся в тишину
Невиданной дал`и.
Отбросив волею вину
На судеб корабли.
Его космический предел
Под тяжестью хрипел
Ушедших безвозвратно дел
В прах сыпавшихся тел.
Держал он курс за злато врат,
Шагал, как бедуин,
Замедлив миг во сотню крат

Решимостью руин.
Консолидатор волшебства,
Осколочный намёк
На перфоратор естества,
Что мир проклеить мог.
Как уходил он в эту даль?
Цветок его ль пьянил?
Иль растянул он нервов сталь
В миллиметровый Нил?
Нил и Нева — брат и сестра!
Виновники навек!
Ярило наш и смуглый Ра —
В переплетеньях рек!
Рекли в жиклёр...густеет пунш,
Пустее душ банкет.
Паломник выбрал среди груш
Витой узор ракет.
Пред ним чрез горизонт висит
Павлин, раскрывший хвост.
Узор фрактальный оросит
Летучих мыслей кросс.
Идёт в священные места!
Они не на Земле!
И к ним ты не найдёшь моста
Средь липовых аллей!
Узрит паломник всякий раз
Безумные мечты,

В полнеба радужный атлас
 Несметной красоты.
 Он в путешествие идёт,
 Не зная наперёд,
 Где топь, трясина, а где брод,
 И что впредь его ждёт.
 Лихой надеждою томим,
 Бросается вперёд,
 То он возвращается, как мим,
 То мига вечность ждёт.
 То согбен тайною тоской.
 То светом упоён.
 Он обретает вдруг покой
 Иль беспокоен он.
 Охвачен ужасом, блажен,
 Всезнающ, просветлён,
 Он мучим пламенем геенн
 Иль разрывает сон.
 Струится эйфорией жил
 Паломник вечных лет,
 Которые в мирах прожил,
 Под шляпкую пригрет.
 Миров бессчётно — друзья их,
 Камений звёздный храм,
 Всё бытие — биений стих,
 Чуть приоткрытый нам.
 Святее пресвятейших мест
 Незримого полёт.
 Куёт эфес кузнец Гефест,

А время мерит ход.
 Паломник дальше всё от нас
 Уходит в чистый свет
 И Альберту он всякий раз
 Передаёт привет.
 Туда их тысячи летят —
 Всяк миг, минуту, час,
 Любой пускай откроет клад
 Чрез соответствий пласт.
 Глаза подобны птицам стрел,
 А в слёзах — луч высот.
 Паломники летят без тел
 В соединенья сот.
 Снисходят к ним проводники,
 Несут чудес дары.
 Паломники всегда легки,
 Когда идут в миры.
 Забудьте страхи и хандру,
 Реальность не предаст!
 Отриньте лет былых кору,
 Изведать чтоб каркас.
 Калейдоскоп в глаза вобрав,
 Постигнув жизни суть,
 Жемчужные врата сорвав,
 Ты отправляйся в путь.
 Тогда в бездонные глаза
 Гигантской Пустоты
 Войдёт всевиденья краса...
 Паломник — это ты!

Paprika and Apricot

Some days ago I've seen a snow
 Which snuggled in the slot,
 I remained days, storm of x-rays
 And rains with marbling god!
 Oh, apricot-man! You're the Sun
 In alien-minded heads,
 You are the power in the clan
 Of Cheshire wonder cats.
 So Paprika in our dreams
 Was created by nightmare!
 And creature in the glowed ice-creams
 Ate guru of malware!
 Now you can see in other days,

That not as somedays here:
 Nobodies throttling on the ways
 Between sky-eye and ear,
 Such as between the ocean Ctzill
 And horrible Choribde.
 Have feels, like had them Odyssey,
 When wrote for stars Spacescript.
 Bees live on meadow in the pot
 Of honey and of fat,
 You're see, dear buddy, bunny routes
 And write what we can get.
 Nice Milky Way above the heads
 Hides runes of Galaxies,

And cats which space-intruded pets
Without wool or with!
One, two, three, four –
You`re jumping more
So jilling joking funs!
Fan of the sports without door
Scrawls on the scrolls for guns.
Screw in the cream can bomb the path,
But screaming not for us,
Because the man on highway trass
Can`t generate the gas.
The plants of feelings made from glass
Outcome to Wonderland,
Wind-winner-wing – the secret pass,

Which passed to honest band.
Our apricot – the cloud mode,
His life is alpha-dot,
He studied paranoia code,
When codd is flying lot!
The codd in sky – May blooms in my
Hard-tired Soulship,
It`s blessing shine! But paprik-guy
Drop out to the trip.
I sure: that law of Universe
And mind of Aztec gods!
Still generating terraherz
The matrix of sourcecodes...

Патриархальный наш портрет

Когда-то было всё не так,
Скажу вам наперёд,
А нынче не пройдёт простак
Сию обитель вброд.
Светлее были небеса
И чище жизнь была,
Дремучи тёмные леса,
И мысль вперёд звала.
Призвание людей творить
Рвалось во внешний мир.
Да что здесь вовсе говорить?
Был чувств сокрытых пир.
Сижу в землянке у костра,
Сбирая ворс надежд,
Пора проснуться нам, пора,
Разбив кольцо невежд.
Мои прекрасные друзья,
Достигшие высот -
Пространств незримого князя -
Вобрали из красот
Медвяных донника полей
Вдоль серебристых рек,
Где нет сердец людских милей!
Культура — оберег
От сумрака седых невзгод,
Печатающих шаг.
Цветущий сад и огород
Развеют в душах мрак.

Повеял чудный аромат -
Уходят поезда,
Везут составов чудных клад,
А предо мной звезда!
Горит лучинками зенит,
Он — перфоленты ночь,
Пусть сущность неба говорит,
Чтоб людям жить помочь.
Патриархальный наш портрет
С бородкой набекрень -
Воспоминая детских лет,
Прохлады летней сень.
Родимый дом, любимый луч
Из масляных огней,
Я снова преисполнен круч
И кряжистых идей.
Иду с котомкой за плечом
По жизненным троп`ам,
А на прощание с мечом
Меня встречает Пан.
Сатир не чаял в нём сердцец,
Нам зимы не страшны,
Иосиф — мировой отец,
Хоть лозунги смешны.
Романтик декабристских лет
Плёл паутины дум,
Запрятан знаками запрет,
Угас тишайший шум.

Семья из песен и основ -
Полей скрипучих дар.
Замёрзших не хватает слов?
Волшебный пей отвар.
Откроет он, куда идти,
И как, и почему,
Ведь за собой людей вести
Пристало впредь ему.
А бархатистая ладонь,
Едва найдя ответ,
Ланиты богатырских сонь
Преображает в свет

Могучих сказок и былин,
Раскиданных извне,
Нов томной этике долин
Мы снова на коне.
Пускай откроются глаза,
Разверзнутся умы,
Пройдёт желанная гроза,
Жизнь обретаем мы!
Патриархальный наш портрет -
Каминов мягкий блик!
Кресло-качалка, тёплый плед -
Комфорта в счастье миг...

Побывала Росомаха

Миру нынче не до смеха!
Или, может, не до страха?
Ведь в излучинах Вселенной
Побывала Росомаха.
Зверь могучей лапой роет
Сот пчелиных строй нескладный,
Паутину стелет, кроет
Окруженье адским смрадом.
Он идет и гадит, гадит,
Гималаи сотряся,
Хвост, измазанный в помаде,
Затворил ворота Рая.
Шаг слоноподобных тембров
Песни гласных протрезвонил,
Кирпичами сыплет Кембридж
Королеве на короне.
Пляшут звезды по фракталам,
Спит Сатурн в перине града.
Росомаха Зов познала
И поспешно вертит задом.
Когти точит коркой тонкой
Мудрых псевдозвакалиптов,
Избегая пыльной гонки,
Блеяньем пугает хрипло.
Выхожу я на охоту
В плен пропащей Росомахи.
За бугром безвестный Кто-то
Избавляет нас от плахи.
Тупит жизнь столь сокровенно,
Что сама маразму верит,

Обращая в тлен полена
Даже Огненного зверя.
Тем стабильней нам живется,
Чем дебильней индивиды,
Дух чей за предел не рвётся
И способен на обиды.
Нет оружия страшнее,
Чем полет беспечной мысли,
И прекрасней, и мудрее
Взвешивать в Этерне смыслы.
Обмануть однообразьем
Росомаха нас желает.
Будущее ярко красив,
О Реальном забывает.
Где всё то, что рядом с нами,
В чём живём, чем чувства дышат,
Сочиняемся богами,
Дабы свой лишь голос слышать?
Меж порядками танцуем,
Постигая мирозданье,
Не рассудком правду чуя -
Волею иного знанья.
Вылетаю ночью в поле –
Предо мной лежат знаменья.
Блеском, яростным до боли,
Сила разорвёт сомненье.
Разлетится в пепел разум,
Всё всему во всём оставив,
Обретёт Альбеда сразу,
Лишь Нигредо переплавив.

Люди ринутся к истокам,
Прорастут у камня ноги,
В жилах гор польются токи,
Навсегда сокрыв дороги.
Где ж мой хлыст с гранатомётом?
Ох, держись, хвост Росомахи.
Я пришел к тебе с отчетом
В скороходах и папахе.
Соберись на поле брани,
Биться будем на колёсах,
Сотканных из тонкой ткани
В эфемерных смысла тросах.
Ох, не зря такая Сила
Смерчами в тебе гуляет!
Как циклоп, и столь же милый,
Сплошь ты соткан из пираний.
Жилы точат заморочки,
В строках рока рвутся струны,
Доведенные до точки,
В душах мы предельно юны.
Ох, не зря такая Вечность
Во мне грозы разгоняет,
Бесконечная беспечность
Жизни в молнии собирает!
В этой пустоте из леса,
Отрицая даже страхи,
В пирамидах мы воскреснем
Для сверженья Росомахи.
И пускай тропой невежды
Уходить ряды продолжают,

Мозг оставив без одежды –
Мозг одежда только гложет!
Пусть пыхтят громоотводы
Под эгрегоров напором –
Мы осушим все болота,
Мы прервем все разговоры!
И тогда утонет в пепле
Гнусный восклик Росомахи,
Пусть повиснут, словно в петлях,
Бюрократы и бумаги!
Мы навек глаза закроем,
В их тиши безмерной меркой,
В струях Вечности порою
Роем выются фейерверки,
Залпом бьют калейдоскопы,
Арлекины рубят страхи –
Это празднество до гроба
В честь победы Росомахи.
Бестолковы эти вспышки,
Безрассудны эти крики,
Ничего не скажут книжки,
Никого не знают рыбки.
Мы – всегда! Мы – вечно с Вами!
(Может, показать копытце?)
И тернистыми тропами
Вам от нас нигде не скрыться!
Пусть смешная Росомаха
Празднует победу рьяно.
Знает ведь любая птаха,
Кто властитель Амстердама!

По пути в Петроград

По пути в Петроград
Сосны стынют вдали,
Искры ведают клад,
Что кроют корабли.
Мы – не здесь и не там,
Мы – размазанный вдох
И в прощанье гор`ам
Чуем ветра подвох.
Вновь уходят матросы,
Грозу разогнав.
Но их полосы косо
Сочиняют устав.

Знаменует Аврора
Утро новой зари –
Той эпохи несоро
Догорают угл`и.
Прогоняю я время
В глушь раздольной Руси,
Прорастает, как семя,
Грохот резвых дрезин.
Рокот неба свободу
Штыками несёт,
Собирая природу
На праздничный ход.

Степи, лес да озёра
Не знают преград.
Меж безумных просторов
Плывёт Петроград.
Города натянули
На рельс тетиву
И в неё завернули
Вагонов стрелу.
Морось снега и льда
Большевицкий мундир
Орошает, когда
Обновляется мир.
Пробежит впереди
Строевой, броневой,
Сплошь из страхолюдин
Наш отряд золотой.
Нас двенадцать ребят –
Разбегайся, буржуй,
Прекрати маскарад
И казну не воруй!
По пути в Петроград
Мира луч не забыт,
Где, как стягов парад,
Огонь восстаний горит!

Эх, скачи, вороной –
Моя шашка востра!
Блеск зарниц над страной
Распалит сотни стран.
Учредиловцы – вон!
Что вам здесь обсуждать?
Ведь охранный кордон
Тоже любит поспать!
Но иная беда
Нарушает сей кров,
Вновь горят города
От немецких крестов.
Иссыхая, рычит
Голодающий зверь –
Несгибаемый щит
Он ценою потерь...
За окном за моим
Вологодский вокзал,
Производственный дым
Пеленой лес застлал.
Верись мне? Не забыть,
Человеческий брат,
Путь, взвивающий прыть
На музей Петроград...

Посвящения жизни в переплетениях времён

Средь – коридоры и дома.
Прозрачность дышит небосводом;
Невзрачно таинство оплотом,
Где ароматны закрома.
Нанизаны на тело струны,
Натянуты, как нити лет.
Как длинноствольный пистолет
Кочуют средь просторов гунны.
Фонтаны красок, ясность сна,
Родник в ключе родимой хаты.
Где кот, прогорклый и горбатый
Добычу ждёт среди зерна.
Пропахла прелюю травую
Прозрачность, что в дорогу ждёт.
И мы, перебираясь вброд,
В пруд окупёмся с головою.

Стряхнём туман за горизонт
И брызги звёздами развесим.
Мы в рай искусственный залезем,
Там мира тени – радуг сон!!
Нестись стрелой через дороги!
Сжигать завесу на костре,
Отвешивать поклон коре,
От кобры уносившей ноги;
Вертеться радужным волчком
В круговороте мирозданья.
Из холотропного сознанья
Выталкивать последний стон.
Есть сом, мерцающий отныне.
Отведай жреческой сомы!!!
Повсюду мир, повсюду мы!
Лишь мысль есть истина в картине,

Трудов расписанный астрал,
Покинувший чужое тело:
Кромешной радостью горело,
Покуда солнечный коралл
Систему ясно не представит,
Пронзим мы остриём луча.
Гори, мой парафин! Свеча
Знамёна и знаменья правит!
Охват, чреватый не для соли
И установки истин всех.
Прорука на любой успех
От боли ждём мы лучшей доли.
Взывать к исколотым богам,
Из коих воздух в дыры хлещет,
Рубить, как плетью, только резче,
И громом – башни дуракам!
Хлестать дождём среди управ,
Нестись повозкой конской в лето.
Всем златоносную карету
Раздать, в картишки проиграв.
Прийти на бал. Под гоа-трансом
Танцует польку кавалер.
Забытый мир наш был бы сер,
Коль б не шаманы с дилижансом.
И у кобылы есть подшипник,
Шептавший в дежа-вью флэшбэк.
Его мне не забыть вовек.
На мотоцикле – только крикни.
Заправь свой лайнер свежим сеном
Переплетения времён.
С рождения до похорон
Вся жизнь – подлейшая измена!
Не всё ль равно, какое место,
Какой период, тело иль
Наполнит вмиг седая гниль
Плюс – эмулятор интереса.
Шагает киборг, как зомбяк,
Надев тулуп и шаровары.
Он пил кислотные отвары,
Кирпич – не матерьял, а знак!
Дискету в старом патефоне
Жуёт надменный Целерон.
Топазов ярче средь корон
Барыга сыщёт в баребоне.
Надень кроссовки и трусы,
И галстук подоткни за пояс,

В бумаге туалетной роясь
Найдёшь три тонны колбасы.
Несись, как клушка на машине
В упряжке сотенных жуков.
Указ Петра всегда таков,
Что добираться на дрезине.
Поклон отменный из фольги
Я в ноги бью челом об коврик.
Для мыши белой это горе —
Она лишилась кураги.
Шурупный шелест шестерёнок —
Для микросхем, что червь прогрыз.
Пятак забытый, только вдрызг
Зашил вдруг мраморный ребёнок.
Картонных стен дражайший ларь;
Дрожащий и скупой купчина
В клавиатуру (дурачина!)
Зелёный настрочит кумарь.
Скрипит процессора крепление —
Залей маслами! И жасмин
В чае по запаху из мин
Утонет герцог. Так варенье
Добавьте в лёгонький пурген;
Веселье чтобы было знатно.
Чин получить – всегда приятно!!!
Расплавь ключей эмпагоген,
Сварив семь слоников отрогов.
Означит контуры барон
В боярство жёстких макарон
(Главой брендмауэра логов).
Жевать, летать, катать и сниться,
Стремиться горным хрусталём,
Быть там, где рево воду льём,
Парить зубастой сизой птицей.
Быть трансцедентным, быть собой.
Всё понимать и знать о мире.
Времён плетения в сатире
Корзину собирать под вой
Без разницы какой планеты,
Какого места и души.
Пожалуй, за себя реши,
Тяни, чеши и будь согретым.
Вселенная – дверной кювет!
Всё включено, за нами право
Достать иголку из удава.
И это – нашей жизни свет!

Поют поэты

Слыхали, как поют поэты,
 Безумцы облачной дал`и?
 Сидят они на табуретах,
 Погруженных на корабли.
 Заморским дымом тянет лето!
 Бегу, барахтаясь в пыл`и
 Позорным зайцем без билета,
 Фрегатом томным на мели.
 Трубит поэт у парапета,
 Где радиолы отцвели.
 Его лицо хмурного цвета,
 Он призывает: «Мир дели!»
 Вокруг деяния творятся:
 На революцию идут,
 Стремясь в пороках замараться,
 Проныра, лицемер и плут.
 Горят болотами фонтаны,
 Взлетает в небо фейерверк,
 Готовится к боям и ранам
 Обмухоморенный берсерк.
 Землетрясения взрывают
 Из памяти почивший грунт,
 Цунами волком завывают...
 Подарим вам десяток унт,
 Надёжный польский респиратор
 И шерстяной противогаз.
 Вас растолкаем по палатам,
 Использував боезапас.
 Хочу провозгласить я новый
 Партийно-строевой указ:
 Крестьянам выдадим корову,
 Устроим грозный свистопляс.
 Получат горожане тапки,
 Кристально – белые, как снег,
 Насыплем леденцов в охапки –
 Пусть радуется человек!
 Намажем олигархам кукиш
 Отборным маслом в толстый слой,
 Сквозь зад им протараним руки –
 Подумают пусть головой.
 Рабочим мы дадим чугунный,
 Сталелитейный самовар,
 Пусть пьют с утра рассол безумный,
 Заткнув дыханья перегар.
 Мещанам предоставим тряпки,

Комоды, чтобы их хранить,
 А также хвороста охапки,
 Комодами чтоб печь топить...
 Политиков – посадим в думу,
 Цепями к креслам приковав.
 Пускай отстаивают с шумом
 Законы всенародных прав!
 Уборщицы пойдут в перчатках
 На свои грязные дела,
 Чтоб не оставить отпечатков
 На том, чем мама родила.
 Учителя возьмут указки,
 И будут двоечников бить.
 Раздать всем двоечникам каски!
 И колбасу, чтоб вкусно жить!
 Пилоты обретут пилотки,
 Тела – тельняшки на покой,
 А готы юные и готки
 Получат склепы за рекой.
 Наладят производство панки
 Духов из запаха носков,
 Епископ соберёт поганки,
 Чтоб слышать голоса богов.
 Подарим алкашам мушкеты,
 Пусть в белочек своих палят,
 Меняют пух на партбилеты
 Психиатрических палат.
 Питонов запихнём в бидоны,
 Ежей посадим на иглу,
 А балерин десятитонных
 Пошлём резвиться на балу.
 Сгорят отходы, сдохнут мыши,
 Зайдёт за горизонт Нептун,
 Брейкуют аисты на крыше
 Под перебор гитарных струн,
 В песок уйдут горбы сугробов,
 Воркуя потекут ручьи,
 Растопчет в прах слонёнок Гобо
 Соперника после ничьи.
 Проснётся дедушка с ногтями,
 Исчезнет мир напополам,
 Где ловят хакеры сетями
 Кейгены для своих программ.
 Ничто не вечно под Луною,
 Замолкнут кошки и коты,

Мы повернёмся к ним спиной
В восторге знойной красоты.
Визжат ужи на кожаных вожжах,
Жужжат, корёжась, гаражи,
И жабий шорох в жжёных рожах

Железно жвалами дрожит.
Так шествуй, куда нюх укажет,
Бензоколонкой воспылай!
Мы на престол царя помажем –
И будет третий Николай...

Пройдись по улице

Солнца луч, буди исправно,
На восходе подыми,
Проживи не зря, но славно,
Лень лихую отними.
Блеешь ты во сне беспечно.
Изольётся тот кувшин...
В тело протечёт навечно,
Маятником прошуршит.
Из-под сонных глаз забытых
Мир иной ещё глядит.
В дрёме на боках избитых
Мягкость зудом бередит.
Подтянулся и размялся,
В сонме плыл, брег поборол.
Бездны света не боялся,
Телом и душою гол.
В том подъезде – мрак и холод.
Вкруг качаясь, не таясь
Всё взывал в усладу голод,
Восплывая как карась.
Наконец, настигли двери.
Ты врата пробивши лбом
Видишь: окружили звери.
Отогнать их может лом!
Но зачем тебе стараться?
Хоть их видишь – каждый путь,
Дабы меньше замараться
Выбирает как-нибудь!
Каждый прёт своей дорогой
В хлев, где сена стог лежит,
Там тепла и света много,
И хозяйка дорожит.
Шаг косою: едва ступаешь:
Пятка к пятке – в строевой,
В миг, который ты не знаешь
Может разразиться бой.
Шаг – и мхами тень сокрыта,

Жрёт её седой мукор.
Слоем плесени зарыта
Струям всех наперекор.
Шаг – иссохлась солнца дланью,
Душит душная душа.
В море каменном пиранья
Лишь для жарки хороша.
За тобой идут гурьбою,
Свинорыл, осёл, баран,
Что строптивою ходьбою
В кровь истёрли сотни ран.
Из нагрудного кармана
Выйми зеркало на миг.
От сановника до сана
В волнах выследи свой лик.
Метаморфным пластилином
Кровь умоя об слезу
Флагом вейся, властелином
В колоссальную грозу.
В ветошь обратиться знамя.
Рухнут стены, горн споёт,
Кочевой охоты пламя
Меч из доблести куёт!!
Хоть песчаным суховеем
Глотку мира изотрёшь -
Не добудешь ты идею,
Коль ни капельки не врешь!
То торчит на морде рыло,
То клыками весь погряз,
Нагло смотрит, как удило,
На крюках повисший глаз.
То язык змеиный пляшет,
Как огонь, снедая свет,
Либо силою бесстрашен
Кожаный крыла завет.
Лишь сперва не замечаешь
Ты гримасы торжества,

Хоть желать уже не чаешь,
Опадая, как листва.
А затем, когда рогами
Зад твой проткнут, кровь струит,
Присыпая пирогами
Шапка на ворах горит, -
Ты влезаешь в это стадо,
В бурный шерстяной поток,
И любому в стаде надо
Стать копытом на каток.
Но когда, скользя упрямо,
Ты летишь по склону вниз,
Не сочувствуя ни грамма,
Все бараны пронеслись.
Там, внизу, без дна и края,
Крот в земле взрывает грот,
Где лазурным хриплым граем
Будит воздуховорот.
Там примкнёшь к другому стаду,
Что повисло на краю,
Ад пророчат маскараду,
Приравняли дно ра`ю.
Но копытами кивают
В столп, что в вышине чадит,
Да от скуки все зевают,
Да и святоша – бандит.
Вот тогда, доставши камень,
Ты в безумья кинешь гроб,
Всех пошлешь к какой-то маме...
Камнем тем получишь в лоб.
Далеко под небом стадо,
В свете звёзд лоснится мех,
Камнем в них кидать не надо -
Для себя же смертный грех.
Возгляни в своё ущелье,
Возгляни перед собой:
Со сторон со всех веселье
Ожидает пир любой.
Ведь карьер твой – город славный,
Испещрённый сотней троп,
В коем всяк друг другу равный

Друга загоняет в гроб.
Вступи стопою на асфальт,
Пройдись по улице. запрет
Средь Римов, Лондонов и Мальт
Тебе расскажет гид их бред.
Застрял в дороге - не беда
Лови за хвост любую тварь.
Пусть жарится сковорода,
Не собирая жира гарь.
На перекрёстке нос включи,
Защёлкой двинув сверху вниз,
Пусть мины стада горячи.
Ты – волк, который их загрыз.
Дым справа, слева кандалы,
А впереди течёт река,
Да сзади, вдалеке колы,
Что до поры – пар`ы пока.
Полметра – вор пролезет пусть,
Но ты проткнёшься, коль назад,
Как наглый краснолапый гусь
Попасть в бараний хочешь сад.
Сперва – наешься, там, где пар
Взывает смачной пеленой.
Похлёбка, луковый отвар
Был вожделенною страной.
Но помни – лодочник не ждёт.
Весло поднять не сможешь сам.
Гляди: опять оно идёт.
Дай по усам усохнуть псам.
Скорее гладь тебя прельстит,
Иди спокойно, не таясь.
Пусть маскарад тебя простит,
И изольёт на душу мазь.
Склонившись грустно над костром,
Глодая ляжку с хлебом крох,
Вспомни утра ярый гром,
Пойми, пастух совсем не плох.
Там ямы роют – это ложь,
Которую нельзя отмыть.
Ты по асфальту с тем идёшь,
Чтоб дальше по реке поплыть!!!

Пупырочник

В стране, где властвует оплот
 И странствует аврал,
 Седой пупырочник живёт,
 Похожий на коралл.
 Цвета он тянет об снега,
 Но с негою душой
 Сокрыл под куполом врага,
 Завившись черемшой.
 Как коршун, чуден его взор,
 Но взгляд, отнюдь, иной,
 Ползущий крабами в узор
 Разумной пеленой.
 Опутал он холмистый храм.
 Выл хор, как тень коня,
 Прикрывшего гранитный срам,
 Похожий на меня.
 Метлою жаждет прочесать
 По часу с мира По,
 Ланиты ёрзают свисать
 У Эдгара в сельпо,
 А Эдмунд - щуп совсем лихой
 Из заливных лиан,
 Скрежещет север: "Панки, хой!"
 За фразами в карман
 Слезает квакша в полгроша.
 А ажно в цельный грош
 Ломает малость кореша,
 Что ни на что не гош.
 О, Гоже! Гоше? Боже? Пыщ!
 На шлёпанцах сомкнув
 В сто микрозиверт Течи тишь
 Да чей-то длинный клюв,
 Как марокканский бурелом
 Да Дятлова мозги,
 Что в скалах, взвившись напролом,
 Взорвались на куски?
 Читатель! Ты уже полип,
 Залипший на полив!
 Иль вам не ведом клип из лип
 Про космос слов и слив?
 Плов ластится! Сливной бачок -
 Коралл, уж - генерал.
 Пролез вовнутрь свой сверчок -
 И тут же обокрал!
 Пупырочник - и ты, и я,

Блаженство, жизни свет,
 Колониальная семья
 В компьютерах "Корвет".
 Хоть восьмибитник - не ион,
 Неон он победит,
 Бдит битник, точно фараон,
 Засушенный в кредит.
 Ладей он ночью проглотил
 Лимон. Латентный вкус
 Зерна. Ветрами смолотил
 Искусственный Иисус.
 Он в укус обмакнул пельмень,
 Боднув об лоб купель.
 Расшевелилась дыбом тень,
 Сев крейсером на мель.
 Торнадо съехало в турне,
 Напал Армагеддон,
 Люд топит истину в вине,
 Кудахтает Гвидон.
 Дон! Не Хенаро - ну и пусть,
 Не мистер Абеляр...
 Но в первом выдохе из уст
 Читается кошмар.
 Явиться в мир наш - это жуть,
 Жив - лип, как баббл гам,
 Разжёванная жизни суть,
 Припавшая к ногам.
 Сынов землян безумный гвалт,
 О, мнений крабья сеть!
 Велик, как кактус, или мал,
 Или вообще - медведь?
 Утихли совы по утрам,
 Уснули упыри.
 Утырки прячутся в ашрам
 И воют до зари.
 Везде пупырышки торчат,
 Как кочерыжек лев,
 Бронированный от меча,
 Распахивает зев.
 Рассыпьте ж ваших рук бильярд,
 Коралл рассыпьте ваш!
 Засуньте вектор в мегамарт,
 Гламура карандаш.
 "Гнусавый гном!" - гундосит гнус,
 Весь в звёздах серебра.

И голубика на ваш вкус
Под лунами добра.
Но глядь, пупырочник идёт,
И кайфу - всё, облом.
Он весь занятный идиот
Чуть скрещенный с козлом.
Почти Обломов. Мышкин. Князь.
Михалыч не подвёл!
И Фёдор не ударил в грязь,
Поскольку он - Орёл!
Царь всех хтонических существ,
Снедатель мёртвых душ,
Заметный только из веществ,
Как яблоко среди груш.
Зачем к себе его зовёшь,
Фантомы уловив,
А сам всё вертишься, как вошь
В полёте в Тель-Авив?
Не дай вам с буйного плеча

Фортуна повстречать
Колонию из Пупырчат
И Пупырчиху-мать!
Скорей неситесь со всех ног,
Завидите едва.
Сказал я вам не всё, что мог,
А всё, что нужно вам.
Насквозь все ими проросли,
Стал каждый поперёк!
Нам мало взмыленных маслин,
Когда такой зверёк.
Пупырочник - он враг врагов.
Неясыть или мышь?
На протяжении веков
Всё время ты молчишь.
Пупырочник - его забудь!
Не стоит жизни нить,
А далее, и жизни суть
С Пупырочником вить.

Реинкарнационная эволюция

Варилась плазма.
Меж молекул бурлил
Безжизненный бульон.
Возник он в мире не напрасно,
Хоть мир был разума лишён.
Мы эластично ложноножки
Тянули плотью через слизь.
Вокруг веществ вкуснейших крошки
В среде питательной неслись.
По швам тела трещали наши
И лопались напополам.
В древнейшей океана каше
Рождался жизни миллиграмм.
Движенья свет сменялся хладом,
Мы разрастались всё плотней,
И, исторгаясь водопадом,
Коммуной плыли меж полей.
Узлом завязывая туши,
Проникли в сонный жирный ил,
Что был для нас основой суши,
Где всяк, родившись, тихо жил.
Ходы мы грызли через время,
Переварив морскую соль.

Канатов длинных наше племя
Играло всё ж иную роль.
Прошли сквозь нас пуды осадков,
Опали сверху хлопья вновь.
Отстроены другою кладкой,
Внутри отныне хлещет кровь.
Натянутая на каркасы,
Кольчугой кожица блестит.
Пусть стаи образуют массы,
Клин рассекающий летит.
Глаза шарами раскатились.
Средь мути омутов глухих
В болотный мир трясин явились
От нечистот избавить их.
И в безвоздушном том пространстве,
Хвостами бив о горизонт,
Вершили триллионы странствий,
Нам задававших жизни тон.
Над гранью огненных икринок
Катились искры день за днём.
В зелёно-серых туш резине,
Обличие сменив, живём.
В иную землю нынче ходим.

Там радужнее свет, чем здесь.
И всё реально также, вроде.
Быть может, даже пища есть.
Вкусны звенящие частицы,
Что плавают, где жар огня,
Ведь на зелёных жёстких спицах
Их ждёт ловушки западня.
Вокруг гигантские колонны,
И чистый сверху синий цвет.
Приемлет нас природы лоно,
Здесь всяк доволен и пригрет.
Искрит мерцание зерцала,
Несётся пламя в свод ночной.
Тогда нас сила исполняла.
Гранитный каждый был герой.
Шагаем громогласным эхом,
На клочья мясо разодрав,
Ведь грохот — суцая потеха.
Кто немощен — всегда неправ.
Ложатся травы под стопую,
Несётся жертва — не успеть
Пройти проторенной тропюю.
Есть выбор: жить иль умереть.
Сквозь плоти шмоть белеют кости.
И сказочный узор кишок
Висит на скалах. Нет в нас злости...
Врага, чтоб жить, ввергаем в шок!
О, тленный мир! Голодным мором
С небес свалился жгучий жар.
Носы попрятали по норам,
Среди подобных мало пар.
Опасность всюду! Глубже в землю
Зарой блестящий гладкий хвост.
Любой из наших не приемлет
В снегу пережидать мороз.
Усами чуем пропитанье,
Спасая шкурок колкий мех.
Ведём борьбу за выживание.
Любой спасает также всех.
Прошли ужасные мгновенья,
И вскачь — потрясные века.
Сменились снова поколенья,
Судьба осталась не легка...
Изящна тушка и пластична.

Вниз головами на ветвях
Гримасничаем мы привычно.
И длинный хвост, словно удав
Распластан в джунглях по лианам
Иль скручен, словно ясный шар.
Ему мы кланяемся кланом,
Вожак возносит ценный дар.
Перехитрили когти, зубы,
Меж крон древесных город наш,
И сколь бы ни были мы тупы.
Земли — ценнейший экипаж.
Велики гибкие созданья!
Пусть шерсть от холода хранит!
Любой, избегнувший страданья,
Проворством рода знаменит.
Но вдруг опять открылись тайны.
И души ходят в тёплый дом.
Ведь ради светлого камлання
Сидим мы мирно пред костром.
Разложены травы по кругу,
Готов мухоморный отвар...
Поклон наш великому лугу,
Прими сей положенный дар.
Мы спросим у леса о дичи,
Мы спросим у неба о снах,
Ведь сей ритуал нам привычен.
Блажен дух в высоких горах.
Ночами с небес глядят боги,
Лучисто пролив свет на дно,
Где им преклоняются в ноги.
Три слоя Земли — всё одно.
Мир нижний — химер и стенаний.
Мир средний — обычен для нас.
А верхний — для всех воздаяний,
Молитв, сокровенных прикрас.
Доныне свершается время.
Внутри ярко искры горят.
Рассудка рождается семя.
Нас мысли в делах закалят,
И всё же, зайдя в жизни пристань
Вращения дел с каждым днём.
Вспомните ясно и чисто,
Откуда и как мы идём!

Русский квас!!!

Не курите, люди,
Крышесносный ганджубас,
Ведь с него мозги горят –
Так врачи все говорят.
Вы затем свои нейроны
Отольёте в унитаз.
Для того весь этот сказ
Позатеял я сейчас,
Чтоб с утра вы, люди, пили
Наш уральский крепкий квас.
Русский квас, русский квас –
Это вам не ганджубас.
Подсказал нам ИТАР ТАСС –
Квас полезней в сотню раз!
Не носите, люди,
Тапки фирмы «Адидас»,
Ведь буржуи их сшивают,
Всех рабочих угнетая.
Мировой пожар устроив,
Запад мы снесём за раз.
Глянь – чабан овец пас
Близ американских баз,
Потому что чабан гонит
Свой высокогорный квас!
Русский квас, русский квас –
Нам не нужен «Адидас»!
Квас налейте под матрас –
Он зимой прогреет вас!
Не взрывайте, люди,
Металлический фугас.

Бомб немало на погранке,
Многие из нас на танке
Пишут всякий бред подчас.
Войн огонь давно угас,
Лучше слушайте указ:
Всем взрывоопасный делать
Ядерный сибирский квас!
Русский квас, русский квас –
Химоружие подчас,
Вулканизм взорвёт всех нас,
Даже круче, чем фугас...
Не качайте, люди,
Из глубин природный газ.
Загрязняет он природу,
Если булькает сквозь воду;
И желают во всех странах
Наш заполучить запас.
Средь трубопроводных трасс,
Где хохлы воруют газ,
Будем гнать на Украину
Сжиженный горючий квас!
Русский квас, русский квас –
Словно топливо для нас!
Сяду ночью на БелАЗ
Полетать, как лётчик АС!
Русский квас, русский квас
Завещал пить Карабас,
Сев в латунный звонкий таз!
А иначе – выбью глаз!

Самообман - петля народа!

Самообман — петля народа!
Повсюду он, самообман!
На ушко пела нам природа
Чрез свой злокозненный орг`ан.
Тягучи тёмные знаменья.
Как волком выла эта боль.
Ты вспомни мрачное ученье -

Вот вам из ада бандероль...
Стремится разум до покоя
Ограничением достичь.
Но мы не ищем. Только горе
Надломит с хрустом нашу прыть.
Неймёшь, надменный, что свобода
Есть счастье. Их один исток.

И будни льются год из года
В химических фекалий сток.
Но сам себя ты не обманешь.
Не будешь биться, как стакан.
Шакалом огненным не станешь
Таиться в груди ржавых ран.
Пройдёшь под знаменем считая,
Что твоё знамя есть девиз
Прогорклой жизни. Возле рая
Ты не получишь ценный приз.
Ведь от бобра добра не ищут.
И зла не ищут от козла.
Их просто потребляют в пищу.
И в том вся ценность. Но весна
Отнюдь не время вдохновенья!
Лишь время сна и тяжких дум.
Под вымпелом испепеленья
Белеет око мыслей сумм.
По чьей-то глупости луною
Оно зовётся с древних пор.
И в поры затекает мною, тобой...
Лишь был бы коридор,
Соединяющий мостами
Желе дрожащих половин.
Сознание вечности пластами
Слетает, выбивая клин
О клин гротескной мысли новой,
Лубочной мудрости картин
Времени советского застоя,
Пространства бархатных перин.
Сакральных истин до отвала
Объелся мыслечеловек...
Но всё же кажется нам мало...
Я не хочу среди тех калек
В толпе переться одинокой,
Сморкаться в тучи, бить грозой,
Сидеть орлом на горной круче,
Иль раком пред Её косой.
И в белых тапках улетаю,
Просить: «Гермес, прости меня!»
Ведь в жизни старого сарая
Нет места вовсе для вранья.
Закрой врата, уйми узоры,
Воздвигни златоглавый крест...
И ты поймёшь, что в жизни скорой
Для жизней не осталось мест.
Лети сквозь продранные латы
В увядавшие века.
Щитом разбейся о парады,
Осколком острого стекла

Кромсай увядшие душонки,
Ведь всё равно в них жизни нет,
Как в банке порченной тушёнки.
Чрез наказанье рьяный свет
Дали предутренних мечтаний
Пробудится пускай. В ответ
Грехов услышав бормотанье,
Воспрянет даже дряхлый дед.
Очистится от мха и тлена,
Увидит мир, каков он есть.
И пусть согнутое колено
Покажет доблестную честь.
Обман вокруг! Мечты, терзанья...
И даже мир — самообман.
Проклятье адского стенанья
И благодушие райских ванн -
Удушье каменных ГУЛАГов,
Да шахт урановых гряда.
Где след вреда, где рана блага -
Кто мне сказал бы и когда?!
Кричат все, ничего не зная,
Кричат, кудахтая навзрыд.
Ни на кого не уповая,
Реальность пламенем горит.
Не слушай хвастунов надменных.
Они слепы, как Матерь — Ночь.
И среди примет их неизменных -
Желание всегда помочь.
Да помощь их подобна вреду,
Иль бреду суксившихся сфер.
Не сесть им в белую карету...
И чёрная не под размер...
Мутнеют доброты потоки -
Светлеют залпы пела зла!
Неблагодарные пророки рекут,
Что слышат плеск весла
Харона в лодке за спиною.
Томимый зноем бедуин
Лакает воды за кормою.
Наверное, не он один
Презрел различьями в основе,
Не крыл проклятьями дела,
Не жаждал чьей-то свежей крови
И шёл, куда душа вела!
Поймите, братья, это просто
Подлейше мир не слить в один...
Мешает как наждак короста
Поверх душевных ран. Картин
Незримой, позабытой казни
Проказник череду творит.

Внутри — вожак. Нам безопасней
Исполнить, что он говорит.
Да только он мешает жизни,
Да только он скрывает свет.
И пыль времён - знамений брызги -
Слетает в облачный клозет.
Ведь каждый только сам с собою

Играет в чёрный. Во квадрат.
С своей он бьётся бороною,
Себе предатель он и брат.
Таким воздвигнула природа
Наш разум, что для нас — капкан...
Самообман — петля народа...
Повсюду он, самообман!

Свет воскресения души!

Настал вдруг миг: мы шли сперва,
Словно канва на выси лет.
Тушил очаг свечей едва
Мой утопический билет.
В открытье солнечных ветвей
Покрашены ли, словно мех?
А может, в хитростях идей
Пристало вновь играть нам смех?
Здесь путь-дорога впереди.
Идти не снова, но опять,
Меж спутников ты погоди
Искать неведомую гладь.
Вращайся и танцуй июнь,
Я – лето, но для большинства
Инспектор клюнет сонных Дунь
За видящие существа.
Не может быть! In Wonderland
Кружится ветром голова,
В переплетеньях ярких лент
Воркует грозная сова.
Свет воскресения души –
Мой снова избранный пророк,
Он жить меж возгласов решил,
Играя бесконечный рок.
Мой Транс – забвеньё волшебства,
Где ходит чудо тут и там,
Срывает верная листва,
Как гиперслон – гиппопотам!
Мы инь и янь – начала звёзд,
Мы счастье, может, иногда.
А иногда мы - просто рост
Ввысь вознесённого гнезда.
Иль мозг? Запутал Бармалей,
Испив берлог барбитурат,
Он Аттики возможный клей,

Он – титанический собрат.
Орфей на арфе наиграл
Заветных писем перископ,
Он не коралл и не карал,
Поскольку просто в перьях клоп.
Глупее нимб умнейших чар,
Мистер Ломастер захотел
Фломастером, как янычар,
Изобразить гримасы тел.
На чакрах Чандрагупта зрел,
Велик он, мой велосипед,
Катись гранат, где ясень зрел,
Топив кларнеты в тигле кред.
Пред мигом святоши линять
Я не позволю никогда,
Закрыв глаза, безумно спать
Грибным опятам на года.
Грибы – рабы, рабы – не мы,
Мы – не грибы...быль или пыль?
Иль возродились те умы,
Улиткой сданные в утиль?
Улыбки людям дарят жизнь,
Прикрой под маской пистолет,
В существование вернись,
Оттуда, счастьем где рулет
Осыпан чистым, знает честь,
Учла чело. Пчела билет
Приносит, радостную весть
Провозгласил мир. Гор – не Сет,
А Тор дремучий – лучше всех!
Летит с ушами он в Алжир,
Его в Алжире ждёт успех.
Поднялся сервер и идёт,
В сеть демоны его влекут,
В кометах счастье нас ждёт,

А также Мао и якут.
На три он душу разделил,
Умножил зрение на пять,
Святой хаомы сок пролил
И стал под бубна гул летать.
Так верь в себя, народный брат,
Лихой и рыжий, песни пел,
А конопатый в сотню крат,
Как крот, гранит взорвав, хрипел.

Ушли туннели, шифр пропал,
Восстань, заветная душа!
Очнись, разбойный этот бал,
И начинайся не спеша.
Но лучше то, что нас всех ждёт,
Когда закончит мир пытаться,
Вернётся разума оплот
И повторится всё опять!

Свет Луны

Свет Луны в окне искрится,
Словно ветошь б`альных роз.
В шутку проплывают лица
Сквозь туманы, не всерьёз.
Я иду тропой бездомной
Мира сонных светлячков,
Упокоенный истомой,
Сбросив ржавчину очков.
Новогодними снегами
Пахнут юные леса,
Еле слышно под ногами
Шепчет лотоса краса.
Эта вечная дорога
Ниоткуда в никуда.
Ветха древняя берлога,
Как осенняя вода.
Я дремуч, вавилонянин!
Куст терновый на венце
Мукой светлых состраданий
Отразился на лице...
В горных кряжистых отрогах,
Меж утёсов, сладких туч,
Вешних рек, крутых порогов
Возвышается могуч
Пик Олимпа златоглавый,
Где богинь звенящий глас
Манит путника лукаво,
В облаках парит пегас.
Там, собирая эдельвейсы
Под огнём кровавых ран,
Дымом прогрызают рейсы
Самолёты сотен стран.
Средь вершин обледенелых

Ветры дуют наугад,
В лоне вод жемчужно-белых
Кроется природы клад.
Тают ледники стыдливо
Лаской солнечных лучей,
С берегов свисает ива,
Где казнили палачей.
Кости лам в горах искрятся,
Обдувают их ветра,
Люди этих мест боятся...
Жизнь – суровая игра!
Черепов отточен камень,
Чист и бел, как школьный мел,
Звук повелевает вами,
Вашей грудой тонких тел.
В молоке Луны плыву я,
Вместо вёсел – пара рук.
Силу пред собою чуя,
Выплываю к Будде вдруг.
Вопрошал я: «О, мудрейший!
Где чистейший небосвод?
Кто мой друг, а кто – враг злейший?
В чём Реальности оплот?»
Отвечал он мне чуть слышно:
«Эта лунная тропа –
Твой и Бафомет, и Кришна,
Долгий путь – твоя стопа!
Оглянись – и ты увидишь
Те деянья, что свершишь,
Удивившись, маску скинешь
И иначе жить решишь.
Места нет, откуда вышел,
Места нет, куда идёшь,

Неизвестно, чего ищешь,
Непонятно, чего ждёшь...
Нет меня, нет гор высоких,

Бога нет и сатаны,
Дев нет статных, чернооких,
Есть лишь ты - и свет Луны...»

Свободный странник

Не жалуясь на жизни стили
Вершится таинств череда.
Кого в народе не простили,
Забыв бывает навсегда!
Свободный странник ищет ночи,
А ночью он рассвета ждёт.
То ль знаний жаждет или хочет,
Чтоб было всё наоборот.
Мечтает палкой сучковатой
Пучок лучей собрать в пути,
До блеска начищая латы
В лаптях потерянной сети.
Кентавр он, подобен чуду,
И столь же сам чудаковат,
Берёт он мысли ниоткуда,
Провозглашая им виват.
Сребрится борода седая
В Песчаный времени поток.
Потомок на берегах Дуная
Сразил неотразимый ток.
Свой зарядил аккумулятор —
Сплетений солнечных магнит.
В ветра ворвался элеватор,
Что через динамики бубнит.
Вогнал в воронку манипуры
Ворону северных небес,
Он зацепился, будто гуру,
И по болоту в лес полез.
Стоит незримо на поляне,
Плетёт косичками усы,
Увидев облака в стакане
Или вселенские усы.
Мадам Мартышек знает тайны
И дискурс путника хранит.
Втоптали в пыль одежды джайны,
Сорвав священный аконит.
Цветок вершин взошёл пред очи.
Былого смутное кино,
Которое в душе клопочет

Для тех, кому не всё равно.
Вот незадача — не решают
Эмоции, кого судить,
В лазури лишь коров мешают,
Провозглашая эту прыть.
Кузнец смиренный мирозданья
Для странника творит кинжал.
Поверив, что вершит мерцанье
Всем тем, кто смыслы отражал.
Вдруг иноземное создание,
Тропу свободы разделив,
Взошло вершинами в сознание,
Сорвав кармический залив.
Ни пересечь его, ни скинуть,
Ни вброд поленом перейти,
Ни положить, но и не вынуть.
Взлететь осталось лишь — лети!
Сбивай пороги, чуждый странник,
Свободы ветреной певец,
Первооснов слепой охранник,
Эпических даров ловец!
Культуры отщепенец томный,
Тщету признавший странных дел,
Как скальный гул — всегда огромный
И правильный, точно отдел
Решений вычурных мистерий,
Отринувших нейтрино звёзд,
Несущих ядрами потери,
Орбит не покидая пост.
Кустов раскачивая эхо,
Вмиг запретил законы стран.
Досталась страннику потеха,
Поскольку странник — хулиган!
«In vino veritas», — он шепчет.
«Ergo bibamus», — он поёт.
И каждый миг решает крепче,
Смеясь, как чокнутый койот.
Кудахчет марево позора,
Толчка Земли не видан шаг.

Хлопочет рядом мантикора,
А с нею сокровенный маг!
Потоки видеть маг желает,
Истоки ног его — ручьи,
Он то клекочет, то камлает
В необоримый ход ничьи.
Странник безумьем независим,
Он стёр себя среди людей,
Таящих силу в кипах писем,

Маршруты сокрушив ладей.
Люди невозданны неспешно,
Имеют то, чем каждый прав.
Не лучший вариант, конечно,
Ведь не правдив он, но лукав.
Как гуру сёрфинга, в скольженье
Выслеживает странник сон.
Его неистово стремленье.
Он — вечен. Странник — легион!!

Святые

Святые ходят океаном
И вовсе не стригут усов,
Но двери от своих карманов
Скрывают тихо на засов.
Они не любят мыться в душе,
Они уже почти бомжи,
Ведь, как на свалке, рыться в душах
Велит заоблачный режим.
Ты смотришь обострённым взором
И видишь, как на облаках
С архетипическим узором
Сидит святой в твоих штанах.
О, упоённый разговором,
Тебе сейчас не ведом страх,
В тени укройся мухомором —
Росой умоешься в горах.
Святые любят кушать сало
И пить горилку день за днём,
Крутить баранку с коленвалом,
Вампиров забивать колом.
Засядут на свой трон орлами,
Промеж зубов плюют на нас,
Развесив флаг под небесами —
Звёздно-полосчатый матрас!
В муренах их неандертальцы
Сирены на арену ждут,
Сгибая тисовые пальцы,
Словно лавсановый хомут.
Смывают ножки в водоёмы,
Срезают когти на леса,
На спинах их растёт солома,
А на филе — одни глаза.
Но в целом — здоровые ребята,

Вот только часто просят есть.
Надев палатные халаты
Зубами вспарывают жель.
Святые воле непокорны,
Не усыпить их никогда!
Друзья их — мандрагоры корни,
А также воздух и вода.
Подобным им был Фридрих Ницше:
Учил людей он не жалеть
Других людей! Но казус вышел,
Поскольку Ницше был медведь.
Подумай: коль идёшь по лесу,
То не по полю ль ты идёшь?
А если снова пишешь пьесу,
Чего ж ещё, повеса, ждёшь?
В кармане пусто — нет ни песо,
Поскольку без всего карман.
Ты, чтобы было интересней,
Засунь туда большой банан!
Закрыв глаза я: там клубника
Ершится, пахнет и цветёт.
По волнам мозгового тика
Снаряд с зарядами идёт.
Над розовыми небесами
Засела троица святых.
Достали пузыри и сами
Соображают на троих.
Поедут к егерю лесами,
Чтоб по планетам пострелять,
С туч киловаттных карасями
Начнут по жителям пулять.
Их протокол — гипотенуза,
Их дырокол — моя башка.

Навеки связывают узы
Прям от пупочка до ушка.
Грех шастать им, как Лаперузы -
Засядут в тачку и...атас!
Запретные развозят грузы,
Нажав вонючей пяткой газ.
Святой капризней, чем ребёнок:
Засунет в ротик леденец
И порождает сонмы клонов
Сей неоципаный птенец.
Был прав, наверное, когда-то
Научный извращенец Фрейд,
Он перец посадить, ребята,
Не мог на грядку без идей!
Играют бурные гормоны,
Святой крови – святой конец!
Текут с него одеколоны
Прям на солёный огурец.
Под трэш «Гражданской Обороны»
Выходит Летов под венец,
Он броневые макароны
Надел, поскольку – молодец!
Закроем наглухо салоны!
Зачем туда водить девиц?
Пусть будет: «Всё для поролона!»
Иль лучше: «Всё для ваших птиц!»
Сидят на пнях у эшафота,
Куют подарок – три ведра
Потерянные Дон Кихоты
Для поэтесс, чей стиль – хандра.
А ты, такой крутой и смелый,
Похожий на Али-Бабу,
Опять в котомке тащишь тело?
Зовётся чудо-Марабу!
Её ты тянешь, как паломник,

Вступая в дивный новый мир,
Поскольку ты – безумный скромник!
А может, шляпник? Или тигр?
О, трансцендентная Алиса!
Достань скорее огнемёт
И паутинками вибриссов
Евксинский Понт прошествуй вброд!
За ним у грозного султана
Святые в пёсиках сидят,
Съедят отборного барана
И выпьют оксибутират!
Проснётся комариный Будда,
Сотрёт их всех с лица Земли,
Он в Катапульте на Калькутту
Зашлёт вольфрамовый болид.
А ты когда с бильярдным кием
Снова побежишь в кусты,
Знай: всё ж странные святые
На нас смотрят с высоты.
Душу распахнут гармошкой,
Песню засветло спюют
И стоят на курьих ножках,
Точно панда и верблюду.
Все заначки спрячут в пачках,
А песочные часы
Пляшут на заморских тачках,
Как бутоны колбасы.
Любят зубы чистить шваброй,
Бегать в полном неглиже
И комменты с хабрахабра
Постить на своём ЖЖ.
Зарекаться не готовы
От сумы и до тюрьмы.
Может быть, поправ основы,
Все святые – это мы?

СНЕГОВИК

Шёл я в стародавний миг
Через поле напрямик.
Вижу – мне навстречу валит
Инфернальный снеговик.
Как то дело увидал –
Чуть на месте не упал,
И со мной чуть не свершился

Апоплексии удар.
Говорит он мне: «Постой,
Я, вообще-то, не простой!»
Ну а сам всё прёт на лыжах,
Потрясая бородой.
«Вот», - подумал я – «чудак,
Что-то всё же здесь не так!

То ль морковный нос не дышит,
То ль с метлы слезает лак».
А с чего вообще ты взял,
Что лишь правду увидел?
Вокруг поле – не неволя!
И вокзал мне показал.
Ну а сам: глаза косы,
Ноги, как из колбасы,
А под носом, чуть заметно,
Жидкие растут усы.
В небесах вдруг вспыхнул свет,
Увидал я, что одет
Снеговик в камзол военный –
Слово честное! Не бред!
А под лыжами шуршат,
Издавая громкий мат,
Залпы танковых орудий,
Миномётный камнепад.
Молвил снеговик: “Поверь,
Я, вообще-то, адский зверь!
В моём теле – две подлодки,
Ты аршином их измерь.
И вообще, когда-то был
У меня военный пыл.
По фамилии Шикльгрубер –
Звался Гитлер, когда жил.
А теперь вот мой астрал
Снова в мир людской попал,
И на все ваши законы
Я кладу, как раньше клал.”
Точно! Прямо на рукаве
Вижу свастики целых две!
Спецотряды Гитлер-югенд
Сзади маршем прут ко мне.
Успокойся! Молвил он.
И достал свой поролон.
Лёг, в раздумья погрузившись,
Словно африканский слон.
Я пристроился вблизи.
Вижу – едет Саркози.
Нас двоих кладёт в тележку
И волочит по грязи.
Открывает дома дверь –
Через окно влетает зверь.
”Я”, – кричит – “не фриц проклятый!
Панк гламурный я теперь!”
Всем кивает снеговик –
Шикльгрубер – броневик,
Красит он усы помадой,
Лакируя свой парик.

На башке, как тёмный лес,
Петушится ирокез.
Из него торчат винтовки
И ещё сполна чудес.
Нас до хаты провели,
Положили на угл`и,
Перед нами танцовщицы
Спины гнут, как корабли.
На полу за океан
Прилетел к нам растаман.
Целых два привёз пакета –
Шире разевай карман.
Рядом сел, набил кальян,
Вытащил свой барабан
И гоняет барабашек
Из заморских дальних стран.
Мы ему: «Послышь, чувак,
Дай чего запросто так!
Угости нас ништячками –
Мы тебе заправим бак!»
В общем, он нас угостил,
Пару суток погостил,
Мы ему соорудили
Под полатями настил.
Через два весёлых дня
Отпустило и меня,
И тогда, поверьте люди,
Вышла полная фигня!
Вдруг поднялся снеговик,
Воссиял блаженный лик,
И скрипит под нос: «Don`т worry!
На, покушай медовик!»
В узелочках бороды
Размещает он болты,
Это, типа, нынче модно,
Так же модно, как унты.
В восхищенье красоты
Смотрит вниз – а там менты!
Всю избушку оцепили,
Дать хотят нам... всё, кранты!
Сделав многотонный вздох,
Шикльгрубер, хэндэхох!
Оцепление сжимают,
Вижу: сетку бросил бог.
Милицейский бобик враз
В той материи погряз.
Получился бобик в марле,
Только крепкий, как КамАз!
А в вершинах нам велит
Жить пушистый сателлит –

Джа, и чёрною рукою
Свои дреды бередит.
И такой поднялся жар,
Что вокруг – туман и пар!
А ещё от Джа остался

Пробирающий кумар.
Вмиг растаял снеговик,
Свой оставив гордый лик.
Памяти героев падших
Посвящаю этот стих!

Сны Чараластры

Я шагаю по лазури,
В звёздах отыскав покой.
Не стихают мыслей бури,
Дым струится над рекой.
В тихом пенье флейты нежной
Тлеет детская душа,
Дышит океан безбрежный,
Неба краски размешав.
Хмурый лес на горизонте
Мрачно опускает взор.
В мировом зенита зонте
Льётся тихий разговор.
Я взираю на колосья,
Пью шалфея аромат,
Торжеством объята осень
В древ обрядовый наряд.
Облаков зефир слоистый
Ветерком ласкает сад,
Лучезарно и искристо
Брызжет ночью звездопад.
По протоптанным тропинкам
Трассу строят муравьи,
Молоком топлёным в крынках
Жар костра хранят огни.
За замшелыми лесами
Гонят пастухи овец,
Восхищаются красами
Сотни молодых сердец.
Сверху звёзды разгорелись,
Полечу навстречу им,
Как гранит взрывает вереск,
Рубит стратосферу клин.
Удивлён я и раздавлен,
Трав красой объяла грусть!
Меж кармических развалин
Шествовать не побоюсь!
Солнце пенными лучами

Пьёт безумья перезвон,
Залихватскими речами
Погружает месяц в сон.
На тропях роятся ивы,
Словно пляска мошкеры.
Беззаветна и игрива
Жизнь бывает до поры...
Пони там по полю скачет,
Колосится рожь зерном,
Хмель желает всем удачи,
Всё мечтая об одном:
Чтоб в хрустальный час рассвета,
Когда зреет благодать,
Пала б на поля комета
Мать-природу возрождать.
Не видать границ безмерных,
О, счастливая тоска!
Дай, природа, разум верный,
Для Вселенной дай песка!
Чараластра спит дремучий,
В забытье его миры,
Стан вздымается могучий,
Наша жизнь – его дары.
По полям ночным развесил
Он проекции людей,
Как сорочки в складках кресел,
Ждёт открытий и идей.
В лес взойду неспешным шагом,
А за мной следит Уран,
За пригорком, над оврагом
Ищет его глаз варган.
Сяду я на холм горбатый,
Буду песнь эвенков лить.
Громогласным водопадом
Стану прясть из звуков нить.
Горлом струны заиграют,
Бубен гром лесам воздаст,

В незалежном этом рае
Все живут законом каст.
Мои лунные пророки,
Где же силу отыскать?
Нас Реальности истоки
Учат жизнь сполна познать.
Сны людей – страницы книги,
Рунных свитков вечный клад,
Пятен белых витилиго,
Плод вкусивших аромат!
Сей, быть может, мир покоен?
Он – границы для ума?
Хоть, на деле, многослоен,
Как сознанья закрома.
Ломятся они, внимая
Естество в своё нутро,
Цепи ада, арфы края
И чистилища ведро
Как трилистник прорастают,
К приключениям зовут,
Выбирать не заставляют,
То ли пряник, то ли кнут.
Разбужу я Чараластру,

И рассыпятся века,
Вспыхнут вдруг галактик астры,
К Дао понесёт река.
Все астральные скитанья –
Только Чараластры сны,
Вздых вселенского всезнанья
В отражениях весны.
Дом наш синим сном мерцает,
Обжигает хвоя свет,
Оком плазмы порицает
Иль передаёт привет...
Сокровенно это знанье,
Разум пусть пленяет нас,
Мы шеренгой на закланье
Отдаём последний шанс.
И, быть может, в хороводе,
У Вселенной на устах,
Как порядком на заводе,
Что давно забыт в кустах,
Внемлешь блеску откровенья,
Вновь увидев свой пол`он.
По Реальности веленью
Жизнь вокруг - бесплотный сон...

Сталкеры ночи

На небо натянуты сонные очи,
Мешком чечевицы гремят города,
По улицам носятся сталкеры ночи,
Их тёмное время — охоты гряда.
В лучах фонарей разверзаются бездны,
Пылят тропы лета и звёзды горят,
Они бессловесны,
Их сны безызвестны,
А в душах их теплится пыла заряд.
И вновь круговерть, небеса, повороты
Оставят на время дела. А полёт
Дорог, проходящих структурные соты,
Растянут те ночи в проекции год.
Качаются стены, скрипят половицы,
Сей братии вновь посвящая обряд,
Печатью клеймящий великие лица,
Где каждый товарищ быстрее стократ.
Бетонные храмы увяли в покоях,
Росистым конвоем взвивая пути,

Узрели былое в советских устоях,
Нам нужно идти, чтоб искать и найти!
Глас мёртвых конструкций —
То эха картины
Для пыточных камер,
Где гром ностальгий.
Попрали руины элаи и джинны,
Японские боги и сказочный Вий.
Пасутся в подвалах, незримые глазу,
Сафари на силы устроив людей,
Разносчики душ, поглотители газов,
Вампиры эмоций уставших детей.
Прицепятся крепко за нервные лампы,
Гирлянды из мозга погасят и пьют,
Сбирая пучками из личностей дампы,
Взрастая концепцией в молний салют.
Я шёл, зеркала нацепив без оглядки,
В замшелых ступеней
Могильную гладь,

Воздушные массы разрезав украдкой,
Где затхлостью стихла
Палата под стать.
Как триггеры тока, гарцуют три тени,
Забившись под свечи
Седых пентаграмм,
Не нам предаваться изнеженной лени,
Пятою суровой поправши сей хлам.
В кустах затаились в преддверии часа
По статусу кво из русалочьих чар
Шерстистые лешие в вишнях алмазов,
Застыв миг полёта в секунды ангар.
Пусть носятся ветры, играя мостами,
А сталкеры ночи эпохи не ждут,
А сталкеры ночи щекочут устами
Отживших домов утихающий зуд.
Мы вспомнить хотели,
Что вовсе не знали,
Бездушность создания лучших времён,
Мы в вечности сил воплотили спирали,
В торнадо залившие юности дрон.
Под твердью томится наш инициатор
Пластов планетарной среды атмосфер;
Он хищен, как видящий трон аллигатор,
Превысивший крайний чешуек размер.

Под ржавью штырей оголённые зоны,
Блестящие сладостью стали и слёз,
Где клонам повторов
На шторы препоны
Представили судьи участия трос.
То ль кротостью светлы
Полночные ветки,
Сплетенья деревьев -
Подлунных картин -
Мозайки, замками завитые в клетки
Глухих митохондрий, сырых паутин.
Ночь там же, где время
Ритмичностью дышит,
Где в спешке часы
Отмеряют ход вспять,
Там дождь, продираясь
В кам`инные крыши,
Заставит нас лаять иль даже камлать.
Познали мы таинства
Мрачных скитаний,
Мистерия света - таинственный хмель!
Пусть племя дозорных -
Потомков мечтаний
Пребудет в зарницах забытых земель!

Suomea

Изобутил топил Атилл,
Копил Тотилл,
Коптил Тортилл,
Ампир топил
Маразма ил,
А Измаил
В купели жил:
По водам плыл
И мох молил,
Что было сил.
Дидро купил
Фенотропил,
Кого-то пил
И печь топил
Слуга бацилл
И имбецил.
Король Ярил
Разлил амил,

Ломил, кадил,
Как крокодил.
В кисете ветер вилы взвил,
Там на кассете старожил
Кошерный шум в тиши сушил
Огонь. В лассо со сна скользил
Зелёный Зил. Аминазин
Зимой грозил
Залить в трясину сон дрезин.
Манил манул малин анлим
В Ла-Манш. Шутил,
Что в чапараль рояль отлил.
Аллеей мил Милана Нил.
Летел Итиль и тигра стиль,
Как Тилля тигль.
Де Голля галл алел, учил
Латынь. Нарыл
Вампил пилу. Лупил, вопил,

Лепил палатки из перил
Поломанный Мафусаил.
Саид родил диплома пыль,
Листвой Союз мимозу злил.
Илья ступил удилом в быль,
Там сам Сюр Тыльль
Лимон набил
В банан, дебил.
Ладьёй дурил, бадьёй курил,
Репей зарыл, лося варил,
И ризу ряс сотряс без сил.
Салон солонкою бесил,
А силос силой моросил,
Покуда дом меня впустил,
Мышей настилом угостил,
По ГОСТу с гроздьёю погостил,
Погостом пост не упустил,
Кусто кусал, крестив, простил.
Кустодиев девиц возил,
По амплитуде их любил,
В кустах купил, в кустах копил

Им поролоном лоно мыл,
Но мылил ли ликёра пыл?
Что лаком лакомых мобил
Отбил копыта, опалил
Попытку пить поливинил.
Винил скрепил, скрипя полил
Полип Литву вином. Томил
Литвед. Едва ли бил
Битлов Билл Гейтс. Тоску сулил
Лох-сулейман. Треску умыл,
Как капитан командный пыл.
Умерив взглядом, умилил,
И, умерев, морковь разбил,
Сей вор, разбойник, педофил,
Как много он с утра скурил!
И Боря молью реку крыл!
О, чудный нос! Он всех убил!
Смотри, розетка, кот приплыл!
Кому ж я стих сей посвятил?
Тем музам, что открыв Сезам,
С утра поют «Арам-зам-зам!»

Тантра астрала и факир

В завихреньях звёздной мантры
Мы ли были возле сна?
Навь и явь астральной тантры -
Трансцендентная стена,
Акватория раздела -
Дело ли она творит,
Разворачивая тело
В Хроник Акаши гранит?
Тонус носа недоступен
Не для тех, кто хочет знать,
Кто в каналах неподкупен,
Разделяя благодать,
Что сдана на ананасы,
Вырастая на века,
Создавая нитей трассы,
Как масонская рука.
Петербург плывёт огнями,
Пахнет тиною Нева.
Город призраков тенями
Милосердствует. Сова
Грозно буйствует, но снова,

Если каждый хочет жить,
Как священная корова,
Порождая уний прыть.
Скачут огненно факиры,
Гоа - не заказан рай,
Гоа петербургской лиры
Отворяет дверь на край,
Столь знакомый и привычный,
Сколь мистический и свой.
Навигатор, либо мичман,
Ищут тропы под канвой.
А факир из тантры льётся,
Он - волна или вода?
Он так просто не даётся,
Видимо, не ерунда.
Да! Да и далече ль скачешь,
Чешки чушьёю растравив,
То ль канючишь или плачешь,
Неестественно красив?
Для чего супротив воли
Ты шатаешь естества?

Налетят тенётой моли
И оступится Москва.
К вам ли мыло молей плыло
Лоскутком под кут из трёх
Тех прорех, что Рерих силой
Открывал, собрав из крох
Хорошистов. Коль ершисто,
Широко раздув карман,
Наш факир летает мшисто
В невозможный океан!
Как туманности вращает -
Вечно порождает знак,
Бессознательно стращает,
Потому что сам дурак!
А посмотришь - прямо умный,
Но не ведает границ.
В волнах он бывает шумный,
Разглашая знанья лиц.
Чувства птиц - яйцо закона,
Локон кокона обмяк,
Открывает оборона
Мак в народ - народный маг!
Мок ли под дождями лета
Дели? В угольках просил
Дать ещё немного света
И ещё щепотку сил.
Лысы ль лисы - хитроусы?
Многоумны, как трусы!
Опадают снегом бусы
На мартышкины весы,
Что смеялись, злато сея,
Ведь не знает существо
Наши скользкие идеи.
Может, это вещество
Коротит заряд нейронов,
Опыляя, словно шмель
Меж дендритов и аксонов
Аксолотлевую мель.
Габриель создал законы,
Анаель впустил ветра,
Самаель скрывает стоны
От закрытых век ковра.
Знаки - звон Иерихона!
Хан Батый обрёл покой.
Разорвало мир закона
Важною стеной такой.
Стороной он левой дышит,

Правой стороной живёт,
Пусть факир растворы слышит,
Сберегая свой живот.
Вот - владыка Воссозданья!
Он факира натянул!
Открывает очи знанья,
Как разбуженный манул.
Нуль - опора и начало,
Он исток факиров всех.
Где пророков укачало,
Йогов разбирает смех.
Разбирай же по кусочкам,
Сочно точку унося.
И уносится та точка
В мир разумного лося,
Что помощник и учитель,
Ещё больший - балагур,
Балаган укроет в китель,
Окропив укропом кур.
Мыслит краснобай елеем,
Еле лето томно слив,
Все однажды околеем...
Делать что? Поешьте слив!
Вавилон пал от устоев,
Вашингтон от них падёт
Ветром правнуков ковбоев.
Взрыв сознания грядёт.
Ведь безмолвно им укажет
Факир тантры диких троп
На оглобли. И уважит
Град, где ждёт психосугроб!
Горн Спинозы роет стразы,
А факир залез под плетъ,
Пишет он свои указы
Людям будущего впредь.
Отворяет друг структуры,
Восстанавливая вид.
Из препоны Гермундуры
Он сплетеньями увит
Вероятностей событий.
Он - факир! Он - череда!
Он - сторонник тех испитий,
Где участвует вода!
В тантре знанья открывая,
Вдруг в миры вонзает свет.
А его передовая
Веткой передаст завет...

Танцует Шива!

Танцует Шива, волны блещут,
 Грохочет капель перезвон,
 Вещает шар слепой и вещей,
 В ветвях могучих дивных крон.
 Я на шарманке нашаманил,
 Слезает разум, словно лак.
 В бриллиантах горного стакана
 Пространство наперекосяк
 Взлетает в воздух свежей чайкой,
 Воркует ветром колесо,
 Из опахала рвётся стайкой...
 Сооружу-ка я лассо,
 Чтоб пятки Шивы под уздечку
 Схватить в сей незабвенный час,
 По углям скачет, тлея в печке,
 Сияя, как бесценный страз.
 Бесценный лёд на бригантине,
 Пятой он выбивает жар,
 Из рам в фарфоровой картине
 Со свистом бьёт струёю пар.
 Я наблюдаю, словно птица,
 За тем, как пляшет тонкий бог,
 Изящно радуги в ресницах
 Произрастают через мох.
 Коровы в молоке летают,
 Звенит мой шестикрылый меч,
 Среди коровьей этой стаи
 Пристало б святость поберечь.
 Его гадюки покусали,
 И он грызёт тягучий яд,
 В папахе чёрной и с усами,
 Он бородат и волосат.
 Запрыгнул в центр городища,
 Развалины хрипят нутром,
 Охотник за кустами рыщет,
 Размахивая топором.
 Как языки костров гнетущих,
 Вспухают щупальца на свет,
 Среди конструкций вездесущих,
 Он в ауру тепла одет.
 Хватают птицы в Поднебесной
 Рук Шивы огненного льва,
 Во плоти вышней, бестелесной,
 Слетает с шеи голова.

Он вышел за пределы рамок,
 Он направляется ко мне,
 Но за врата вступать мне рано,
 Хоть на коне или извне.
 Я пыжусь вывернуться скатом,
 Обнять гримасы водопой,
 В его шестых палат пенаты
 Взойти, рыдая, на покой.
 Снегурка он и тает мёдом,
 Горит подошвы воротник,
 Такая знатная порода,
 Такой властительный старик!
 Как гибко тело и упруго:
 Шесть рук – моллюсковый бутон,
 Я наблюдаю танец друга,
 Всей жизни задающий тон.
 Зелёных вёсел огонь волнистый,
 Стучит безропотная сталь,
 В огне не сжечь рассудок чистый,
 Морей гуманная печаль...
 На пару с Шивой мы поскачем,
 Отбив дробь твёрдою ногой,
 Во стаю сизых сонных крачек
 Вольётся птицы взор другой.
 Ласкаю стройный танец Шивы,
 Надев поверх его нутро,
 И кудрями взвивая гриву
 Иду по верхним снам даров.
 Мы проникаем в измеренья,
 Куда не восходил пророк,
 Затронем веско измененья,
 Переписав судьбою рок.
 Вливаясь в плеск плачевной силы,
 Пусть станет кукловодом тот,
 Насадит кто в кострах на вилы,
 Всех мировых начал оплот.
 Кромсаем в клочья побережья,
 Гремучий плавим Колизей,
 Ведь служба не нужна медвежья,
 Иеронима у князей.
 Могучий вал мы поднимаем,
 Утихомирив скал тиски,
 Кто непокорен – покараем,
 Сжимая молнией виски.

Барахтаясь в выс`и двуручно,
В обнимку с Шивой, словно плавт,

Всё ж выйдет за врата нескучный
Светлейший Синий Космонавт.

Татьян-Банан

Кто вам сказал, что чудеса
Сокрыты от людей?
В народе вторят голоса
Молву иных идей.
Кто это, с громом до небес
И хвостиком идёт,
Переноса рассудка вес
В безумия оплот?
И объявления схватив
Зубами за бока,
В заоблачный летит отрыв
За горы и века.
Скрутив все пальцы в ленты снов,
На клавишах цветных
Звенит, как трель, в ушах умов
Классический мотив.
Впиваясь в баночье нутро,
Трещотных палок гул
Развеет розами ветров
Маэстро Вельзевул.
И в том мерцании опять
Чрез время повторяясь,
Все стрелки раскрутила вспять
Видений смеха власть.
Кто ныне дёргает за нить
Походный чемодан,
Прохожих возвращая жить?
Конечно же, банан!
Крутясь юлой, банан скажи –
Ты отчего банан?
Где оживают миражи –
Там властвует Татьяна.
Что не банальность, Бананас?
Кто сущность все мастей?
Психоинспектор Барабас
Для внеземных гостей.
Когда срастётся славный нос?
Ведь ноты не молчат!
Мнёт септаккордовый колосс
Вельветовых зайчат.

Исполосована рука,
Об стенку лоб разбит,
Зато душа, как мяч легка,
В туманностях парит.
Ботинок дышит. Пахнет он,
Всегда уныл и мил,
Где уравнений стадион –
Загадок точных пыл.
Когда же купишь свой ковёр,
Узорчатый слегка?
Эх, укатить бы с наших гор,
Чтобы войти в века.
Татьян прыгучестью видна
На крыльях книг и дум.
Начала нет, но нет и дна –
Инопланетный ум.
Она ль – банан? Но существо
Мозги творит из вех.
И репетирует родство
В сюрреализме всех.
Так делай, делай свой абсент –
Пусть треснет карамель!
А опишный абстинент
Засядет жерлом в ель!
Рубашек блеск располосать
В зелёно-алый рельс,
Позволь отныне тем плясать,
Кто отъезжает в рейс.
Не за красивые глаза
Банан идёт тропой,
Над нами вьётся, как оса,
Журчит, как водопой.
Три по истории – изволь,
Трипа историй срыв!
И диктатуры Франко роль –
Пассионарный взрыв!
Но ёлки, ёлки за окном
Да лысина Вождя!
Как эту личность занесло
В грибной сезон дождя?

А впереди нутром поёт,
В пол впив на ножках сталь,
Великолепнейший оплот –
Дружище-брат – рояль!
До остановок вновь пешком?
Сигналят фонари,

Лучей кивая гребешком,
Как солнца без зари.
Ты не полезешь никогда
За лентой слов в карман!
Вступи ж успешно во Врата,
Наш мартовский банан!

The tentacles made from a tow

We`re the people, dancing when it rains!
Our brains are like a rainbow!
Green grass will grow,
X-rays will glow,
And UFOs will fly in the blue Space.
Please, don`t exchange
Tentacles to pentacles
Because tentacles are better
In three times!
Revolution, revolution,
Revolution of the mind!
Think as essence, be on high!
Have your tentacles clean and dry.
We dream together – you swing in leather,
You swim between forgotten worlds.
And by suspicious fun tentacles
Give new dimention to the fireballs.
Where are you, dear cactus Mr. Leary,
Finest Cthulhu and the god of madness?
Tim said: “Have stamps
Or even magic mushrooms,
So you`ll be wise
Are like the Dalai Lhams!
And every evening,
When you dance the polka,
Be sure – we`ll come again to find you!
Ah! Tentacles! Great Tentacles!
Sweet tentacles made from a tow.
Why creature born by nature?
Pranksters are flying over cuckoo nest.
Hippies are tripping,
Climbing, clipping,
Fucking, sleeping with commune.
They have no any submarines,
Only psychedelic bus.
So rise up all advanced psychonauts

Go for journey to enlightened gurues!
Your eyes in clouds
With four-dimentioned mouse,
And Hoffman`s soul looks from fractal
sky.
We`re diamonds of Lucy and of Alice?
These jewels turned
In Carlos`s power dreams!
Men are trancing, jumping, bouncing!
So in trance dance our handy-bears.
Wonder bears drink a vodka,
Inside them live russian dolls.
It is easy: lived Ken Keasey,
Bears played the balalaikas.
Mr. Keasey with plant bears
Bought a jujube – cow`s extract.
People study about an octopus,
Cuttlefish and even giant kraken,
They go under sea
By their long tentacles,
But why all sailors are not yet jellyfishes?
Let`s write the macros
For great the highest chakras,
So give to everybody the third eye!
We are a salt, we are a sugar,
We are alpha and omega,
Brains is not a tow, but a complex lego,
And our bodies are like constructor kit.
Mad men are toggle,
Normals are snuggle
Like werewolf rabbits
On the deepest meadow.
And the fun Barnacle shadow
Will up your dolphin intelligence.
И когда все щупальца сомкнутся,
Превратятся люди в рой пчелиный.

То ли он нетленный?
Или неделимый?
Или щупальца вообще —
Не рой из пчёл?
Ты другу протяни
Тentakль свободы -
Иль щуп тебе протянет виноград.
Рукощупы, рукощупы,
Рукощупы в мармеладе,
Только ты в своей палате,
Вдруг заметишь звёздный клад.
Плюралисты, активисты,

Киберпанки, фетишисты,
Замминистры, бургомистры
Приезжайте в наш салат!
Говностопы, говностопы,
Говностопы в шоколаде!
Третью Европы я растратил -
Но глаза, как летний звездопад.
Мир по нитке из улитки
Вытяну сперва прелестно,
А уж затем сей бодрой песне
Будет даже Муссолини рад!

Трассы нитей. Ио. Пядь!

Уплотнённое пространство
Занесло на небосвод,
Мировое хулиганство –
Для умов громоотвод.
Трассы нитей – жизнью гифы,
Единение столов,
Из песков взлетают рифы,
Кораблей подняв улов.
Точно плитки доминошек
Эти петли рун земных,
Планетарных ложноножек,
Слуха оголтелый стих.
Дёргай здраво звуком стройно
За утех людских оплот,
Он лукаво и безвольно
Пауков снаружи ждёт.
Дармовые поощренья –
Да ль живые их дела?
Кормовые удобренья
Для зачаточных палат.
Для зайчат отточим полог –
Полу-сон и полу-лев,
Цепок манекен-геолог,
Бомбы кукольный Азеф.
Шеф, сгрузивший тамбурины,
Разгрызая пирожки –
Голем он из талой глины,
Голым прыгает в мешки.
Всё несётся в связку сказки,
За автобусом следит

Арлекин Вселенской смазки –
Трансцендентный Троглодит.
Он проглотит подполье,
Весь в перчатках белых стен,
Нам споёт тогда Емеля
Про асаны из колен.
Вывернет на ушки память,
Намотает, как лесу,
Растекаясь вслед словами
В Кванта Розы колбасу.
Ждёшь Юноны, Cosa Nostra?
Пушки крестного отца
Разрешают все вопросы
На аллеях у дворца.
Прокормили карамели,
Только жужжальца трещат,
Видно, жужелицы пели,
Сетевой устроив чат.
Плети – нити, гифы Мора!
Море нас, поправших нить!
Эти струны в коридорах
Позволяют просто жить.
Ты за них рукав цепляешь,
За собой весь мир ведёшь,
Только одного не знаешь:
Где же правда, а где – ложь!
Оттого рукав сминает
Гравитация планет –
Это сток предгорий рая,
Там Восток не знает бед.

Бред, Тризонией пригретый,
Позабыл закрыть глаза,
Краску брызжет на анкеты
Попрыгунья-стрекоза.
То ль не знает иль не помнит?
Или всё наоборот?
Спутался безумный скромник,
Как паломник в Эсгарот.
Он окуклился цепями,
Плети выудив едва,
Замерцав, как тонкий камень,
Взором что прожгла сова.
Её очи нестабильны,
Ветхо ль крынку бередить?
Ведь извилиной несильно
Ветку будешь в плен рядить.
Громоступы и толстеллы,
Шаг земной едва впитав,
Устанавливают стелы
Славы учрежденных прав.
Гарнизоны оптимистов
Без резона водку пьют,
Кипарисами артистов,
Точно венниками, бьют.
Ох, снуют опять загадки,
Что за корешки-грибы?
Выползают из палатки
То ли зомби, то ль рабы.
Кто ж заплёл клубки косичек
Клубных барышень мирских,
Ночью сотканых из птичек,
Зашивающих носки?

Гулливеры – гормональны!
Степь – лев`а, шир`ока Русь.
Ветками корзины в тайны
Запихали. Ну и пусть!
Пух и Пих, как Плиха Плюхом
Плюрно рубанул с плеча.
Оттого ль шевелит ухом
Заливная каланча?
Протаранили кормушки –
Проворонили века,
Проторчали три хохлушки
Семь напасов табака.
Сил своих не разумея,
Как по лезвию идёт
Вновь невозбранный Емеля
Или даже сам Жан Клод.
Первозданны недостачи –
Значит, Первомай настал.
Ностальгия Ухти-прачек –
Пратчетт – плоский кардинал.
Растолкаешь плети эти,
Цепко бубен ухватив,
И опять летишь в ракете,
Как суккуб, но только жив.
Нужно! Надо! Слава смысла!
Заползай в бечёвки стен
И укутай коромысло
В диадему хризантем.
В шёлке, Эхнатона краше,
Возишь вверх ты ветры слов,
И нагроможденья наши
В снах перевернёшь умов!

Фловинжель

Сквозь гель смолистый я плыву
В сторонней тишине,
И сны, и тайны наяву
Приходят вновь ко мне.
И всякий миг иная жизнь
В лучах зеркальных глаз
Меняет верх на вышний низ,
А низ – на верх подчас.
Меж перьев вторит океан,
Со стен стекольный сок

Мистический рождает клан,
Судьбы безумный рок.
Прозрачны контуры вещей,
Как призрачна их суть,
Завили лозами плющей-
И мысли не вернуть!
Затянет внутрь коридор –
Он как аттракцион,
Лавиною с холодных гор
Исторгнувший полон.

Пространство дышит, дышит грудь,
Кружится солнца шар.
Я снова выбираю путь,
Я снова млад и стар.
Моё клише лежит в кустах,
А кредо ввысь парит.
На разводящихся мостах
Огонь небес горит.
В водоворот плывёт Земля,
Мы все бежим за ней,
Волнами алого кремля
Словив порог идей.
Грохочет сердце, конь летит,
Пылают города,
Но по планете Вечный жид
Свершает ход всегда.
Луну я намотал на нить,
С Луною я играл,
Туда я перееду жить,
В серебряный астрал.
Рукоплесканьем жерновов
Вновь мнится правда лет,
Что даровали вечный кров,
Которого уж нет.

Знаменья сыпят градом дел,
Сомнения в ответ
Плодятся в недрах наших тел –
Отриньте грусть и бред!
Неситесь в лето, век познав,
Откройте жемчуг звёзд,
Прекрасный – изначально прав,
Уверен, смел и прост!
Ему времён открытых тайн
С рождения не счесть,
В душе его ершится май,
Он отвергает лесть.
Задуй свечу – раздуй пожар
Печей людских умов,
Влей в восемнадцатый ангар
Корабль иных миров!
Раскайся, не верши обид –
И будешь жизни рад,
Ведь всё, что радует иль злит
Ты возвратишь стократ.
Я через гель в лазурь гляжу –
Пророчеств грозный стан.
Что отворит сквозь знаний шум
Разумный океан?

Шагал

Шагал салецкий Черномор
С Востока на закат
Чрез руны и руины гор
В гарь скошенных лопат.
Он ли трансфер иль мили мер,
Как хоррор-миллиметр,
Вдруг позабывший свой удел?
Делами ламий Мэтр
Компот уныл. Его не пил.
Пил. Только не компот.
Пил, молотков, гвоздей и вил
Велит наоборот!
Кривых идей ковёр из вер,
Палас из снов анкет,
Их мир надёжно скрыт и сер,
А лучше быть в обед.
Они невиданно честны,
Невинность их не в счёт.

Не доживают до весны -
Им темечко печёт.
Сатурну наступил банкрот,
Как вдоль гусиных лап
Его примерочная - крот,
Прорывшая этап.
Шныряет сталью Гулливер,
Неважен паж ежей.
Помпонам - грац! Паяца эр
Мы превзошли уже.
Искусно вк`усит средь арен
Гремучий Ратибор
Дым бересклета, взор мурен
И кольями забор.
Но над Вернадским реет стяг,
Мишель Фуко - паук,
А может, даже красный маг,
Энергии дундук,

Чудак, сработавший пшено,
Покрытое лентой?
Каноклавинное кино
Продето ль сквозь лицо?
Оно - никак. Никак - он кто?
Взвинтился марсоход,
Сохатой робостью котов
Удерживая год.
На гусях лыка не стригут,
А вяжут лишь овец.
Их по канонам стерегут
Узлами из сердец.
Порой копыта изо рта
Прелестнее потерь.
Поверь, святая простота -
Тот жук ещё и зверь!
Корой Лапута в пути льда
Укутала тайгу,
Она похожа на Всегда!
И тоже на бегу

Спасает, если снежный барс
Едва напополам
Каркас расщепит в доли трасс,
Покорнейший для лам.
Всего прознать не может власть
В калейдоскопе снов.
Чиновникам бы не пропасть
Да сохранить гузно.
Они не знают этот спор.
И не хотят узнать.
Нам, жителям Рифейских гор,
Узреть, кого карать:
Затратный залп! Развратный вес!
Их леской блеск польстил,
Полистироловых небес
Бессолнечный настил.
Открой абстракции полёт,
Лет лето не цветёт.
Шагай - и ты увидишь ход,
И кто его плетёт.

Шегориаде - Да!

Удел безумцев — пир восторга!
Но торг ли он или он — ион,
Летающий министерский `орган
Гранёным ограм на поклон?
Ведь плен его — свобода воли,
Но то ли впрямь молва гласит,
Сбирая бор медвяной соли,
О том, что всем настал визит
Дотоле огненно-прекрасной
Наивной музы шалунов,
Обугленных зелёной краской
В касту неношенных штанов.
Дворец сошёл, на двор взошедши,
Изведав тотчас, чтоб искать
Града, снегирь где сумасшедший
Разбавит негой благодать.
Я посетил песков отроги,
Пучин космических лучи,
Бывал у Врат и на Пороге,
Куда ногами не дойти.
Спускался в думные пучины,
Взлетав к вершинам через ОМ,

Познал экстаз и гнев кручины,
Увивших Удивлений Дом,
Где сумасшедший звон искрился,
Кометы сыпля за хвосты,
А после — вовсе испарился,
Сведя на лезвии мосты.
Знать толику естеств — не мало,
Но вал накручивает пуд.
Рай пудр! Гидрами лакало
Ярмо влияний в жидкий суд.
Кларнет воззвал для Мораг Тонга
Сомнений жертвенный огонь,
Слепые всплески звуков гонга
Ворвались в осознанья сонь,
С землёй что цепи отсекают,
Впиваясь в жертву с ширины,
Но из перины гулко лаает
Седой воспитанник вины.
Они живут, себя не зная,
Они парят, хотя идут,
Достигли рая бы играя,
Но большего их жаждет труд.

Средь них — маньяки и пророки,
Меж них — нирваны и котлы,
Вперёд протягивают ноги,
Как раз, чтоб под размер метлы.
Виват — реалиям их роя,
Салют — мистериям их лам,
Привет — их призрачным изгоям,
И слава — грёзам и делам!
Я стяги возношу Вселенным,
Всем, кто границы пересёк,
Тем, кто забыл стать неизменным,
Сжигая душ древесный сок.
Кулик подобен баснослову,
Шкворчит на ниточках язык,
А разум пуст, как взрыв сверхновой,
И п`олон, как истошный крик.
Из гравия свивая силы,
Нам фонтанирует черёд,
Где вероятность — корень милый
Квадратностей наоборот.
Ты — наперёд! На ворот — страсти,
На ворох — излучений строй,
Наружу выложивший масти,
Вступив в Нигде и став Игрой.
Заплыли тучами мурашки
И откормили голоса,
Ракетой всплыли чебурашки,
Ужалив небо, как оса.
Кокосы гроз — уделы бани,
Плывущий предок кораблей.
Дредноут дулами дурманит,
Справляя цирков юбилей.
Грибы восстание подняли,
Грозятся Землю захватить.
Приди ж скорей, богиня Кали,
Дабы заполнить эту нить.
Запомнят джунгли бабуины,
А тело — вовсе пирожки!
Дела их, как горшки из глины,
В пустотах их лежат мешки.
Сурово локоны венчают
Блестящих лысин пелену,
Взращённых на зелёном чае
И вечно чующих вину.
Горды града! Орда не внемлет,
Емелей воду льёт Орда.
Елей лелея мелит кремний
Нейлоновая борода.
Безумцы мучаются сами,
Ведь стонут изгороди в них,

Они жалеют волю снами,
Куда ни глянь — то тих, то псих.
Лира — мотор созвездий в сроки,
Лишь чуть превысившие впрёд
На переполненном Востоке
Сверхжидкостную нейросеть.
Плывут транзакций терабайты
Чрез петафлопсов океан,
Скрипты рождаются и сайты,
Как разрастается бурьян.
На стыках стен прилипли люди,
Диво ль диваном вознося?
А судьи — кто? И есть ли судьи
У спятившего карася?
Заткни ж за поясок кадило!
Его бессмысленна труха.
Зачем ты лезешь на удило,
Изображая петуха?
Ты впрямь кудахчешь, словно кочет,
Чета ль ему свободный плен?
Ведь хвастается и стрекочет
Раб, не поднявшийся с колен.
Полено он! Узда тем `уже,
Увереннее чем гол`ем,
Хотя он вечностью простужен,
Зато венок надел и шлем!
Клеймо из клемм в него вцепилось.
Вино из хрена отродясь
В его артериях не билось,
Хоть он охотник видеть всласть.
Довольны ль вы? Ну и не надо!
Парад остынет без дискет.
Лишил рассудка водопадом
Яда непознанный аскет.
Мозг, снова вертящий педали
В даль устремляется основ.
Из архетипов порождали
Чужих в проекции умов.
Он видит пляски из узоров,
Он чует измененья форм,
Слышит обрывки разговоров,
Ломая представленья норм:
Быть может, сплошь великолепен?
Горят смарагдами глаза.
Возводит он пространство в степень,
Раскуривая тормоза.
А кто не против произвола,
Пускающего ум в полёт,
Тому жить в гаванях атолла
Велел подразделитель сот.

Электроулитка и яблочный сок

Сквозь сон отдавая
 Отчёт о прошедшем,
 Сдержатъ все раскрытые тайны не мог.
 Мир помнит о случае
 Том сумасшедшем,
 Когда небеса унеслись со всех ног.
 В провяленной дымке
 Стыл нос ледокола;
 К снегам всеблагим
 Воззывал древний маг.
 И, вырвав с ошмётками душу,
 Он, голый,
 Полотна развесил болотных коряг.
 Там, среди инструментов
 Из клейких опилок,
 В ладонях углём он Улитку держал.
 И взгляд умиленья наполнила сила,
 А разум носился и всех поражал.
 Летящие стрелы слез`ами залиты -
 Пусть радуги пляшут
 По спинкам камней.
 В баллончике стынут
 Хрустальные плиты,
 Сияют бриллиантом. Улитке видней.
 Она – укрыватель, она – направленье,
 Улитка – последний
 Безвыходный вздох.
 Под склизкой пятою царит облегченье
 И мира, как сердца, тягчайший порок.
 Вздыхают узоры, скрипят песнопенья,
 Из арфы и лиры на пол льётся сок
 Трудов наших потных.
 Колен преклоненьем
 Пропитано всё от светил на восток.
 Лучисто Улиточьи щупы мерцают;
 Во влаге покоя царит тишина,
 И шёпот шагами её подвывает.
 Забытые стены из прелого мха -
 Зелёные искры: в глазах – отраженье!
 Электроулитки улыбке – почёт.
 Под мокрой пятой
 Разрастётся скольженье.
 Поднялись грибы. Я теряю им счёт.
 Бывали года, когда кровь проступала,
 Бывали года, когда лён попевал.

И в тучах камина ядро пригорало,
 Что ране кузнец в алом дыме ковал.
 Я в прутьях чугуновых литейного сада
 Нёс в бриджах коричневых
 Яблочный сок,
 Вдруг мне оторвали лицо маскарада,
 Бамбук и ходули – сознанья порог...
 Ба! Это Улитка! Она среди торнадо
 Шагает в короне свинцовой слезы.
 И пустоши веют, как ад в Колорадо.
 Там шепчет озон как Амон среди грозы.
 Конечно, Улитка! Вассал твой до гроба:
 В зеницах твоих отражается гнев!
 Твоим повеленьем, морская особа,
 В зарницах ночных раскалит перегрев
 Колонны галактик и красных гигантов,
 Квазаров, пульсаров
 Во свет чёрных дыр.
 Твой скрежет зубов
 Размозжил мозг атлантов,
 А голос звенит, словно гром тысяч лир.
 По коже раздулись тромбозные вены,
 И выпит до капли весь яблочный сок.
 О, хтон – прародитель
 Седьмого колена.
 Твой муторный стиль
 Угадал лишь Ван Гог...
 По мягкой и бархатной коже Улитки
 На волю прорвалась седая волна.
 Вулкан, где молились суровые сидхи
 Накрыла солёной корою она.
 Омыла пропахшие пыльные пяты
 И синькой окрасила воздух вокруг.
 Улитка не ждёт. Облачившийся в латы
 С кинжалом её поджидает паук.
 Пустыня растрескалась.
 Слизь сыровата.
 С Улиткой в том парке
 Всех ждёт randevu.
 Пусть славу воздаст нам
 Герой Гайавата,
 Я Гитчи – Ман`иту когда позову.
 Все сны холотропны.
 На рэйвах плясали.
 Сома – для шамана.

Под бубен взвыл рой.
Что Лири и Хаксли недавно познали -
Электроулитка создала игрой.
И в хлюпанье
Душных солёных блистаний
Пусть всякий пророк не узреет себя.
Ведь мир, как цветок,
Плод растит для познания,
Что в душу войдёт, громогласно вопя.
В таинственной тени английского сада
Меня поджидал позабытый комок.
Не стал я давить подколодного гада,
Поскольку я космос разрушить не мог.
И не хотел, чтобы в зелени тихой,

Средь плесени, мхов и дыханья земли
Как чёрные дыры, прорвавшие вихрь,
Мешали стоп`е правды всей короли.
Рыбак! На живца ловишь пищу умело!
Рассудку молись, проявляй интерес!
Оставь под дождём
Догнивать своё тело,
И выкинь под ноги
Свой пр`оклятый крест!
Электроулитке волна – не преграда.
Нам всем сквозь галактики
В мозг пущен ток.
Глянь – тонкие пальцы лозы винограда
Из чучела выжали яблочный сок...

Ясность

К чему рассудку эта ясность,
Что прорастает за предел?
Ведь в бытии царит лишь гласность:
Границ условность не у дел...
Ловите чистоту сознанья
За ласковый пушистый хвост.
Не терпит возражений знанье
О том, что разум не донёс.
Все выраженья — искры яви,
Гротеск, исторгнутый завет
Безумной мысли, что буравит
Рассудок всяк на ленте лет.
Пропаций тот, кто ищет смыслы
И цели облачных существ.
Опомнись: смыслы — только мысли
В гареме основных естеств.
Мир есть, каков сформировался.
Мир — бесконечнейший поток.
О человек! Твой мозг б взорвался,
Цветок в полях сорвать коль б смог.
Неуловимые мгновенья!!!
Часы идут: тик-так, бим-бом...
В них — злата др`аже откровенья,
Иных галактик звёздный звон...
Пронизан всяк лучами смысла,
Клубочком домыслов в тебе.
И мрак души, и свет харизмы -
Ступень! Отнюдь не острие.

Глядите: рвётся эта ветошь,
Как только мы коснёмся сфер,
В коих живём. Мерцает лето:
Бриз суеверий, жалких вер
Ланиты нежит. Благочестье
Нас восхваляет, вознося;
И в упоенье сладкой вестью
Несёмся мы на небеса.
Зачем? К чему бежать на небо?
Противна мысль быть «где-то там»!
Иль на земле не хватит хлеба,
Чтоб нам молиться облакам?
Ведь видеть нужно! Знать иное!
Понять, что некуда бежать...
Вступ`ите на тропу покоя -
Мир не сломить — и не создать.
О нет! Не нужно быть пассивным!
Пассивность — слепота и плен!
Уверенность и креативность
Поднимут с согнутых колен,
Разбитых тяжестью конфессий,
Концепций, споров и войны,
Идей бредовых и репрессий
На мысли, мол, от сатаны...
Глупейшее рассудка свойство -
Деленье на добро и зло.
Недоработка иль расстройство?
Кому с рожденья повезло...

Потенциал всё. Всё — частично!
Оно скорее есть, чем нет...
И, осознавши самолично,
Нашёл я сущности ответ:
Нам нужно быть не кем-то: Просто!
Плыть сквозь мгновений океан.
Насилье над душой всем роста
Не принесёт. Один обман!
В вас отражаются столетья,
Внутри — галактики горят.
Окутан космос мыслей сетью,
Что ввысь несёт видеоряд.
Нет чётче линий, посмотрите:
Эфир просвечивает мир.
Вы пламенеете, горите.
А в душах — мириады лир.
Раскатом громовых стенаний
Нанизаны на струны мы.
Распластаны меж осознаний,
Что вырвались из той тюрьмы.
Феноменальный мир — кирпичик
В стене неоднозначных зон:
Ни направлений, ни табличек.
Но резонирует сей звон.
В нас — всё. Всё — мы. И это просто
Реальность, данная, как есть.
Узорный мир в полях из воска -
И лоском он окутан весь.
Зелёный город подо мною...
Текут гирлянды по стеклу...
И нити щупалец порою
Испепеляют свет в золу!
Быть настоящим в настоящем!
Собою — и никем другим!
За радугой лететь манящей,
Личины сдав в сухой отжим.
Свободным быть — и не зависеть
Ни от господ, ни от божеств.
Стопав в муку свой хвостик лисий,
Не пожалеть ни сил, ни средств.
Нельзя лишить людей свободы.
Седой острог - внутри тебя.
Душа...она иного рода:
Теряйся, смыслом окропя
На посошок! Разбив сознание,
И вовсе цепи потеряв,
Отвергни славу и признание,
Невыразимое вобрав.
Благоухают в выси тучи.
Фиалок гром совсем оглох.

Ты ищешь бога, чтоб стать круче?
Опомнись — ты уже есть бог!
Внимай блаженство — не опасность -
В вселенской тьме среди чёрных дыр.
Зачем рассудку эта ясность?
Быть может, чтобы Видеть Мир...